

ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О БРАКѢ

по поводу воззрѣній на бракъ гр. Л. Н. Толстого и нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ.

(Публичное богословское чтение) ¹⁾.

„Создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у чловѣка, жену и привелъ ее къ чловѣку... И благословилъ ихъ Богъ и сказалъ имъ Богъ: плодитесь и размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею“ (Быт. 2, 22; 1, 28 ср. Мѡ. 19, 16).

„Если грѣховенъ бракъ, заключаемый по закону, то не знаю, какимъ образомъ можетъ выдавать себя знающимъ Бога тотъ, который утверждаетъ, что повелѣнїе Божїе есть грѣхъ“ (Св. Климентъ Александрійскій ²⁾).

Семья принадлежитъ къ числу учрежденій, имѣющихъ величайшую важность въ жизни людей. Древняя какъ и самъ чловѣческїй родъ, она сохранила чловѣческую жизнь на пространствѣ длиннаго ряда вѣковъ. Въѣстъ съ жизнїю и физическимъ здоровьемъ, новыя поколѣнїя людей получали и получаютъ въ ней первоначальное духовное воспитанїе, направленїе и характеръ котораго кладутъ неизгладимый отпечатокъ на ихъ послѣдующую жизнь и всегда въ значительной степени заранѣе опредѣляютъ ее. И оттого, на какой степени нравственной высоты стоитъ семейная

¹⁾ Произнесено (съ нѣкоторыми сокращенїями) въ Москвѣ, въ залѣ Синодальнаго училища пѣнїя, 20 марта 1902 г.

²⁾ Strom. lib. III, c. 12, Patrol. curs. compl ser. gr., t. VIII, col. 1185.

жизнь цѣлаго ли народа, отдѣльнаго ли лица, ближайшимъ образомъ зависить и будущее его потомства. Здѣсь, можно сказать, кроется первоначальный источникъ или счастья, или зла и бѣдствій для нарождающихся вновь поколѣній. Въ виду этого, богооткровенная христіанская религія, имѣющая своимъ назначеніемъ объять, возвысить и освятить всѣ стороны человѣческой жизни, не могла не указать идеала семейной жизни, соотвѣтственнаго существу принесеннаго ею въ міръ благовѣстія. И такой идеалъ начертанъ ею въ христіанскомъ ученіи о бракѣ, чрезъ который составляется семья. Какъ ни высоко это ученіе, какъ ни убѣдительно подтверждается истинность его примѣрами здоровой и счастливой жизни истинно-христіанскихъ семей, тѣмъ не менѣе въ христіанскихъ обществахъ всегда появлялись и появляются различныя ложныя ученія о бракѣ и брачной жизни. Эти лжеученія возникали и возникаютъ или въ разнаго рода религіозныхъ сектахъ, подѣ вліяніемъ неправильно понятыхъ мѣстъ Св. Писанія, или были провозглашаемы разнаго рода философами и учеными, изъ философскихъ основаній, или они развивались подѣ вліяніемъ духа и склада самой практической жизни, преобладающаго въ ней въ данное время направленія. Какъ ни разнообразны эти ложныя воззрѣнія на бракъ, ихъ можно свести, кратко, къ слѣдующимъ четыремъ видамъ:

1) Были и есть люди, которые желали бы, чтобы не было никакого стѣсненія въ брачныхъ отношеніяхъ между полами, чтобы каждый мужчина и каждая женщина имѣли въ этомъ отношеніи безусловную, безъ всякихъ ограниченій, свободу, подобно, напримѣръ, животнымъ. Это т.к. назыв. *пантагамія*. Еще въ первые вѣка христіанства такого взгляда на брачныя отношенія придерживались практически нѣкоторые изъ гностиковъ, думавшіе „сокрушить“ въ себѣ чрезъ невоздержаніе ненавистное имъ плотское начало ¹⁾. Въ новѣйшее время такого взгляда на безусловную свободу брачныхъ отношеній мужчины и женщины держатся съ-

¹⁾ Безусловную свободу взаимныхъ отношеній половъ проповѣдывалъ еще *Симонъ волхвъ*, поздѣе *иколаиты*, *василидіане*, *карпократіане*; послѣдніе крайнюю невоздержность плоти считали даже высшимъ служеніемъ Богу.

веро-американскіе сектанты, называющіе себя „библейскими коммунистами“ ¹⁾. У насъ подобное же еще недавно проповѣдывали тк. назыв. *нигилисты*. Въ современномъ намъ обществѣ этотъ взглядъ раздѣляется людьми, придерживающимися, такъ сказать, *практическаго эвдемонизма*. Полагая цѣлью жизни извлеченіе изъ нея возможно большей суммы наслажденій, эти люди желали бы, чтобы единственнымъ мѣриломъ плотскихъ отношеній половъ было естественное влеченіе или расположеніе къ тому человѣка.

2) Другое ложное воззрѣніе на бракъ сводится собственно къ отрицанію моногамической формы брака. Такъ, наприм., сѣверо-американскіе *мормоны* лучшее средство къ удаленію разнаго рода ненормальностей современной жизни видятъ въ *полигаміи*, или многоженствѣ.

3) Иные, не отрицая прямо моногамической формы брака, считаютъ не современными и не либеральными тѣ ограниченія, которыя возлагаетъ христіанскій бракъ, и желали бы большей легкости расторженія его, напримѣръ,—въ случаѣ если бы супруги не сошлись характерами, разочаровались другъ въ другъ, или если бы кто либо изъ нихъ, состоя въ бракѣ, полюбилъ другого или другую.

4) Есть, наконецъ, еще одинъ ложный и самый крайній взглядъ на бракъ. Онъ заключается въ безусловномъ запрещеніи и отрицаніи брака или, въ частности, его плотской стороны. Къ такому взгляду на бракъ нѣкоторые приходятъ изъ философскихъ основаній. Такъ, напримѣръ, отецъ новѣйшаго пессимизма, *Шопенгауэръ*, утверждая, что жизнь есть страданіе и небытіе лучше бытія, естественно долженъ былъ, пока оставался послѣдовательнымъ, относиться къ браку отрицательно ²⁾. Но чаще отвергали и отвергаютъ бракъ изъ религіозно-нравственныхъ основаній, считая его

¹⁾ Они присвоиваютъ своей сектѣ такое наименованіе на основаніи ложнаго утвержденія, будтобы первые христіане, при общеніи имуществъ, о которомъ говоритъ книга Дѣяній Ап. (4, 32 и дал.), имѣли и общихъ женъ, и будтобы они лишь подражаютъ этому „библейскому коммунизму“.

²⁾ Изложеніе и разборъ взглядовъ на бракъ Шопенгауэра, Гартмана и другихъ философовъ новѣйшаго времени можно найти въ книгѣ г. *Страхова*: „Христіанское ученіе о бракѣ и противники этого ученія“, Харьковъ, 1895, стр. 233 и дал.

за нѣчто нечистое и недостойное человѣка, прямо, будто бы, несогласное съ истиннымъ христіанствомъ. Этотъ послѣдній взглядъ на бракъ далеко не новъ. Еще древніе *гностики*, выходя изъ убѣжденія, что все матеріальное есть зло, что человѣческое тѣло есть лишь темница духа — частицы Божества, утверждали, что бракъ есть дѣло сатаны. Послѣдній стремится къ тому, чтобы чрезъ брачное рожденіе дѣтей раздроблять и разсѣивать между многими эту частицу Божества и тѣмъ прелятствовать возвращенію ея въ духовный міръ. Отсюда вытекало рѣшительное и безусловное воспрещеніе брака, наряду съ самымъ суровымъ аскетизмомъ. Весьма многіе изъ гностиковъ и на дѣлѣ оставались вѣрны своему ученію, ведя строго безбрачную жизнь. Таковы были, напр., *энкратиты*, *маркіониты* и другіе. Изъ подобныхъ же основаній и такъ же рѣшительно отрицали бракъ и другіе древніе еретики, *манихеи*. Въ наше время рѣшительно отвергаютъ его, какъ состояніе унижительное для христіанина, сѣверо-американскіе сектанты *шекеры* и *тункеры*, наши русскіе раскольники безпоповщинскаго толка *ведосѣвцы*, *филипповцы*, *стражники*, равно какъ сектанты *хлысты* и *скопцы*, при чемъ послѣдніе, во избѣжаніе соблазна, прибѣгаютъ даже къ обезображиванію человѣка. — Наконецъ, въ самое недавнее время рѣшительнымъ защитникомъ такого весьма не новаго взгляда на бракъ, какъ на скверну для человѣка и нѣчто, прямо, будтобы, противорѣчащее истинному ученію Христа, выступилъ *графъ Левъ Николаевичъ Толстой*. Нѣкоторыя частныя мысли этого ученія о бракѣ и брачныхъ отношеніяхъ были высказываемы гр. Толстымъ еще въ тк. назыв. „Новомъ Евангеліи“ и въ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра“, высказываются онѣ и въ позднѣйшемъ по времени крупномъ произведеніи его, въ романѣ „Воскресеніе“. Но во всей полнотѣ его взглядъ на бракъ былъ выраженъ въ 1889 году въ тк. назыв. „Крейцеровой Сонатѣ“ и „Послѣсловіи“ къ ней. Произведеніе это оказало, можно сказать, необычайно сильное впечатлѣніе на наше общество. Во многихъ оно вызвало неодолимое отвращеніе къ плотской любви и браку. Со времени напечатанія „Крейц. Сонаты“, въ нашей столичной и провинціальной печати было оглашено множество относящихся сюда фактовъ. Наприм., то здоровая (прежде) и образованная дѣвушка, послѣ прочтенія

„Крейц. Сонаты“, доходить до такого болѣзненного состоянія духа, что не можетъ видѣть ни одного мужчины, считая ихъ всѣхъ низкими и порочными ¹⁾; то женихъ, молодой и интеллигентный человѣкъ, подъ вліяніемъ гнетущаго впечатлѣнія, вызваннаго анализомъ въ „Крейц. Сон.“ чувства любви къ женщинѣ, сходится предъ самой свадьбой съ ума; то мужъ, начитавшись все той же „Крейц. Сон.“, рѣшительно предлагаетъ своей женѣ измѣнить прежнія отношенія на отношенія брата и сестры и вынуждаетъ этимъ молодую женщину, страстно желавшую имѣть дѣтей, обратиться съ слезною просьбою къ гр. Толстому, чтобы онъ повліялъ на мужа къ восстановленію мира и счастья ея семейной жизни ²⁾... Весьма замѣтное вліяніе оказало это произведеніе и на нашу періодическую печать. Вопросъ о бракѣ сталъ пользоваться здѣсь въ послѣднее время особеннымъ вниманіемъ. Столбцы и страницы весьма многихъ изданій стали наполняться сначала различными толками о самой „Крейц. Сонатѣ“, отъ чего естественно и незамѣтно перешли потомъ къ разсужденіямъ о бракѣ вообще. Относящіеся сюда вопросы нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ сдѣлали прямо какъ бы своей спеціальностію. При этомъ, среди нихъ обозначилось два совершенно противоположныхъ взгляда на бракъ. Одни, вслѣдъ за гр. Толстымъ, стали утверждать, что плотская любовь великое зло, что плотскія отношенія всегда и вездѣ, слѣдовательно и въ бракѣ,—*грѣхъ* и *паденіе* человѣка, нѣчто нечистое и унижающее для него. Одинъ изъ такихъ писателей утверждаетъ, что церковь подаетъ въ бракѣ благословеніе „*только союзу душъ*“; о плотской сторонѣ брачныхъ отношеній онъ вы-

¹⁾ Въ одномъ провинціальномъ изданіи сообщалось со словъ Петербургскихъ газетъ, что родные ея обращались за совѣтомъ къ гр. Л. Н. Толстому, но что болѣзнь излѣчилъ только гипнотизеръ („Орлов. Вѣстн.“, 1891 г., № 327, за 9 декаб.).

²⁾ Письмо огорченной женщины своею глубокою искренностию тронуло гр. Толстого, по словамъ очевидца, *до слезъ*. См. объ этомъ въ кн., подъ заглавіемъ: „Сущность брака“, изд. С. Шарапова, Москва, 1901 г., стр. 108. Книга эта, на которую мы неоднократно будемъ ссылаться въ своемъ трудѣ, представляетъ изъ себя сборникъ статей по вопросу о бракѣ, напечатанныхъ разными авторами въ газетѣ „Русскій Трудъ“ за послѣдніе годы истекшаго столѣтія (статьи принадлежатъ гг. С. Θ. Шарипову, П. Θ. Романову, В. В. Розанову, Н. П. Аксакову и друг.).

ражается, что это, будтобы, „совершенно опредѣленный грѣхъ“, который „лишь прощается“¹⁾. „Самая святая искренняя человѣческая любовь“,—пишетъ другой,—„не можетъ освятить полной страсти, ни оправдать ее. Самъ Богъ не можетъ освятить того, что не свято по своей природѣ“²⁾. Другіе, наоборотъ, впали совсѣмъ въ иную крайность и стали преувеличивать значеніе плотской стороны отношеній половъ, не только полагая въ нихъ всю сущность брачнаго союза, но даже придавая имъ какое-то мистическо-священное, почти религіозное, значеніе, видя въ нихъ особую, едва-ли не высшую, форму служенія Богу³⁾. Одного наиболѣе горячаго защитника такого взгляда критики его не безъ основанія упрекаютъ въ томъ, что его воззрѣнія близко подходятъ къ древнему культу Ваала и Астарты⁴⁾.

Съ вопросомъ о бракѣ связано множество вопросовъ богословскихъ, нравственно-философскихъ, историческихъ, каноническихъ и иныхъ. Самое краткое обслѣдованіе ихъ могло бы составить задачу весьма обширнаго изслѣдованія. Въ виду всего сейчасъ сказаннаго, представляется за наилучшее ограничить задачу настоящаго труда такъ: попытаться дать оцѣнку „Крейц. Сон“. со стороны доводовъ, на которыхъ

1) Подобный взглядъ на бракъ и половую любовь проводитъ г. Шараповъ (см. его книгу „Сущность брака“, стр. 77, въ примѣч., срав. стр. 138—156).

2) Г. Меньшиковъ,—см. его статьи въ книжкахъ ж. „Недѣли“, подъ заглавіемъ: „Элементы романа“, съ іюня 1897 г. по январь 1898 г. Вышеприведенныя выраженія взяты изъ ноябрьской книжки, стр. 156.

3) Такихъ воззрѣній на плотскую любовь держится извѣстный публицистъ, В. В. Розановъ. Имъ написано за послѣдніе годы множество относящихся сюда статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Съ недавняго времени статьи эти стали появляться въ видѣ особыхъ сборниковъ, каковы, напримѣръ: „Религія и культура“, Спб. 1899 г., „Природа и исторія“, Спб. 1900 г., „Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго“, Спб. 1901 г.—Кромѣ того, статьи г. Розанова по вопросу о бракѣ и плотской любви, печатавшіяся въ газетѣ „Русскій Трудъ“, собраны и изданы въ вышеупомянутой кн. г. Шарашова: „Сущность брака“. Ближе примыкаетъ къ г. Розанову, по воззрѣніямъ на значеніе плотской любви, и г. Мережковский въ рядѣ своихъ статей въ ж. „Міръ искусства“ (особ. за 1901 г.).

4) См. „Сущность брака“, примѣч. къ стр. 77, стр. 106, 157. Срав. отзывъ объ его книгѣ „Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго“—проф. Заозерскаго въ Богослов. Вѣстн. за 1901 г. ноябрь.

авторъ хочетъ основать слѣдующіе изъ нея крайніе выводы по вопросу о бракѣ; за тѣмъ изложить православно-христианское учение о бракѣ съ положительной стороны — такъ, однако, чтобы здѣсь заключался вмѣстѣ и посильный отвѣтъ на всѣ не раздѣляемыя нашей церковію ученія и сужденія о бракѣ (и древняго и новаго времени ¹⁾).

Содержаніе „Крейц. Сонаты“, можно думать, настолько всѣмъ извѣстно, что достаточно указать здѣсь только кратко сущность этого разсказа и выводы изъ него, излагаемые въ „Послѣсловіи“.

Главное дѣйствующее лице разсказа, Позднышевъ, устами котораго говорить самъ Толстой, утверждаетъ, что „браки въ наше время—одинъ обманъ“ ²⁾, что нѣтъ никакой иной любви, кромѣ кратковременнаго плотскаго влеченія, развивающагося на почвѣ пресыщенія и праздности. А такъ какъ, будто бы, мужчина испытываетъ такое влеченіе къ каждой красивой женщинѣ и всего менѣе—къ своей женѣ, то бракъ неизбежно ведетъ или къ нарушенію супружеской вѣрности, или къ насильственному сожителству двухъ взаимно другъ друга ненавидящихъ людей. Ненависть эта развивается, по словамъ Позднышева, именно на почвѣ плотскихъ отношеній мужа и жены, каковыя онъ считаетъ не только недостойными челоуѣка, но прямо унижительными для него. Ненависть эта есть „взаимная ненависть сообщниковъ преступленія и за подстрекательство и за участіе въ преступленіи“ ³⁾. Враждебность супруговъ усиливается чрезъ не-

¹⁾ Въ русской богословской литературѣ не такъ давно появилось одно специальное и довольно обширное изслѣдованіе о бракѣ. Разумѣемъ уже упомянутую выше диссертацию г. Страхова: „Христианское учение о бракѣ и противники этого ученія“. При неизбежномъ совпаденіи нашего труда съ этимъ изслѣдованіемъ во многомъ, мы смотримъ на свой трудъ—какъ на дополненіе къ книгѣ г. Страхова. При замѣтномъ вообще преобладаніи въ послѣдней критическаго элемента надъ положительнымъ, такъ популярное въ наши дни ученіе о бракѣ гр. Л. Н. Толстого разобрано здѣсь безъ той полноты, какая можетъ представляться желательной. Съ другой стороны нами отчасти имѣются въ виду сужденія о бракѣ, выраженныя на столбцахъ свѣтской періодической печати уже послѣ появленія въ свѣтъ книги г. Страхова.

²⁾ Сочиненія гр. Л. Н. Толстого, изд. 10-е, Москва 1897 г., ч. XIII, стр. 400.

³⁾ Сочин. ч. XIII, стр. 428.

избѣжную, будто бы, въ каждомъ супружествѣ ихъ взаимную ревность, коренящуюся въ сознаниі каждой стороны, какъ легко другая можетъ нарушить супружескую вѣрность. Отсюда брачная жизнь обращается въ „тотъ страшный адъ, отъ котораго спиваются, стрѣляются, убиваютъ и отравляютъ и себя и другъ друга“ ¹⁾.

Все сказанное гр. Толстой хочетъ подтвердить художественнымъ рассказомъ о томъ, какъ Позднышевъ, будучи развращенъ уже съ 15-лѣтняго возраста, полюбилъ потомъ такую плотскою любовью чистую дѣвушку и женился на ней. Не вѣруя ни во что и смотря на таинство брака какъ лишь на простую формальность—„на особенное условіе обладанія извѣстной женщиной“ ²⁾,—онъ во все время своей брачной жизни хотѣлъ видѣть въ отношеніяхъ къ женѣ одинъ лишь источникъ плотскихъ наслажденій, безпрестанно ссорился съ ней, мучительно ревновалъ ее и въ припадкѣ такой ревности, хотя и не основательной—по ходу рассказа, наконецъ, убилъ ее. И что всего удивительнѣе,—брачная жизнь Позднышева не считается авторомъ чѣмъ либо исключительнымъ; по его мнѣнію, почти всѣ супружества таковы: „99 изъ 100 супружествъ“, заставляетъ онъ говорить Позднышева, „живутъ въ такомъ аду, какъ и я жилъ“, и „это (horribile dictu!) не можетъ быть иначе“ ³⁾. Отсюда и въ самой „Крейц. Сон.“ и въ „Послѣсловіи“ къ ней, сверхъ всѣмъ извѣстныхъ и никѣмъ не оспариваемыхъ истинъ о необходимости сохраненія добрачной чистоты, гнусности нарушеній супружеской вѣрности и т. п.,—сверхъ этого, гр. Толстой утверждаетъ, что плотскихъ отношеній между мужчиной и женщиной не должно быть совсѣмъ, даже — и въ бракѣ, что и въ этомъ случаѣ они суть „унизительное для человѣка животное состояніе“ ⁴⁾, „паденіе“ ⁵⁾ его. Изъ всего этого гр. Толстой дѣлаетъ тотъ выводъ, что вовсе не нужно вступать въ бракъ; находящимся же въ бракѣ „замѣнить плотскую любовь чистыми отношеніями сестры и брата“ ⁶⁾.

¹⁾ *ibid.*, стр. 400.

²⁾ *ibid.*, стр. 419.

³⁾ *ibid.*, стр. 444.

⁴⁾ *ibid.*, стр. 495.

⁵⁾ *ibid.*, стр. 508.

⁶⁾ *ibid.*, стр. 509.

Что сказать о такомъ сурово-отрицательномъ отношеніи къ браку, вполне совпадающемъ съ воззрѣніями на него древнихъ гностиковъ и манихеевъ, равно какъ и современныхъ скопцовъ ¹⁾? Прежде всего, оно стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ тѣмъ, что ранѣе говорилъ и писать гр. Толстой о любви, бракѣ, призваніи женщины и высокомъ достоинствѣ материнства. Любви, говоритъ онъ теперь, нѣтъ никакой, кромѣ кратковременнаго плотскаго влеченія, бракъ—„цѣпь, связывающая двухъ ненавидящихъ другъ друга колодниковъ“ ²⁾. А ранѣе—не онъ ли начерталъ намъ своею дивною художественной кистью глубоко симпатичные и всѣмъ памятные образы Наташи Ростовоѣ и Пьера, Кити Шербацкой и Левина? Что же? Неужели у нихъ не было никакой другой любви, кромѣ животной? Неужели и браки ихъ были похожи на цѣпи, соединяющія ненавидящихъ другъ другу колодниковъ?.. Гдѣ же правда?—тамъ или здѣсь?—Плотскія отношенія мужа и жены—мерзость и паденіе, говоритъ гр. Толстой теперь. А не онъ ли съ какою то благоговѣйной и трепетной любовью изображалъ въ своихъ раннѣйшихъ произведеніяхъ появленіе въ міръ новорожденнаго ребенка? Не онъ ли глазами Алексѣя Александровича Каренина „иногда по пулучасу молча глядѣлъ на спящее шафранно-красное, пушистое и сморщенное личико ребенка и наблюдалъ за движеніями хмурающагося дѣла и за пухлыми рученками съ подвернутыми пальцами, которыя задомъ ладони терли глазенки и переносицу“ ³⁾? Не онъ ли любовался Долли Облонской, окруженной ея шестерыми прелестными малютками? Не онъ ли съ теплою любовью описывалъ ихъ поѣздку въ церковь, прогулку, купанье? Не называлъ ли онъ этихъ

¹⁾ При нижеслѣдующемъ разборѣ „Крейц. Сонаты“, нами были приняты во вниманіе мысли, высказанныя ранѣе различными критиками ея, каковы, наприм., *высокопр. Никаноръ* (см. его „Бесѣду о христ. супруж.“, собран. поуч., изд. 2, т. III, стр. 421—462), *проф. Гусевъ* (въ брош. „О бракѣ и безбрачій“, Казань, 1891 г.), *г. Страховъ* (цитов. сочин. стр. 189 и дал.). *г. Листовскій* (въ брош. подъ заглавіемъ: „Замѣтки на „Крейц. Сон.“ гр. Л. Н. Толстого“, Москва 1891 г.) и друг. Были приняты во вниманіе и статьи о „Крейц. Сон.“, помѣщенные въ вышеупомянутомъ сборникѣ г. Шарапова: „Сущность брака“

²⁾ *ibid.*, стр. 444.

³⁾ Сочин., ч. X, стр. 279.

матютокъ „славою“ Дарьи Александровны, не понималъ ли, вмѣстѣ съ Левинымъ ея „величія“ среди нихъ ¹⁾? — Уже во второмъ періодѣ своей литературной дѣятельности, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Женщинамъ“, гр. Толстой съ чувствомъ и убѣдительностію доказываетъ, что высшее призваніе женщины—рожденіе и воспитаніе дѣтей, что въ этомъ для нея „вѣчный и неизмѣнный законъ Бога“, „назначеніе жизни“, „весь настоящий смыслъ ея“ ²⁾. Въ одномъ письмѣ, въ связи съ этою статьёй, онъ прямо такъ говоритъ: „для женщины средства служенія Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что кромѣ нея никто не можетъ этого сдѣлать)—дѣти... только чрезъ дѣтей своихъ призвана служить женщина“ ³⁾. И еще: „идеальная женщина, по мнѣ, будетъ та, которая, усвоивъ высшее міросозерцаніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному въ нее призванію, родить, выкормить и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей, по усвоенному ею міросозерцанію“ ⁴⁾. Объ оставшихся въ дѣвушкахъ, вдовахъ и бездѣтныхъ въ супружествѣ онъ выражался тогда такъ: „нельзя не жалѣть о томъ, что такое драгоценное орудіе, какъ женщина, лишилось возможности исполнять ей одной свойственное великое назначеніе“ ⁵⁾... И вотъ, всего чрезъ два года послѣ этого, гр. Толстой начинаетъ вдругъ утверждать, что бракъ есть нѣчто унижительное, постыдное для человѣка, что для всѣхъ обязательно строгое безбрачіе и проч.—Полной противоположности между тѣмъ и другимъ взглядомъ гр. Толстой не отрицаетъ и самъ ⁶⁾. Кто же заблуждается: великій ли писатель-художникъ, опозитизировавшій любовь и материнство, или строгій моралистъ послѣднихъ лѣтъ, сурово осуждающій на безбрачіе весь человѣческій родъ? Иначе сказать, когда Левъ Николаевичъ говорилъ неправду о бракѣ и рожденіи дѣтей: до 1889 года, когда появилась „Крейц. Соната“, или—съ этого послѣд-

¹⁾ Сочин., ч. X, стр. 43—48.

²⁾ Сочин., ч. XII, стр. 462 и дал.

³⁾ *ibid.*, стр. 469.

⁴⁾ *ibid.*, стр. 470.

⁵⁾ *ibid.*, стр. 471.

⁶⁾ Сочин., ч. XIII, стр. 505.

ного времени?—Для общечеловѣческаго непосредственнаго сознанія затрудненія въ отвѣтъ быть не можетъ...

Примѣчательно и въ высшей степени важно, что даже самъ гр. Толстой не могъ не чувствовать, при самомъ написаніи „Крейц. Сонаты“, всей искусственности и очевидной несостоятельности проводимаго здѣсь взгляда на бракъ. По крайней мѣрѣ только этимъ и могутъ быть объяснимы тѣ многочисленныя противорѣчія самому себѣ, въ которыя онъ впадаетъ въ этомъ произведеніи. Чувство истины, свойственное великому художнику, не покидало его, не смотря на всѣ усилія моралиста — резонера, заставляющаго свою мысль работать въ предвзятомъ направленіи. Укажемъ здѣсь хотя бы только нѣкоторыя изъ такихъ противорѣчій.

1) Въ самомъ началѣ „Крейц. Сонаты“ гр. Толстой увѣряетъ устами Позднышева, что *никакой* любви, кромѣ кратковременнаго плотскаго влеченія, нѣтъ и быть не можетъ. Во всемъ рассказѣ онъ пытается потомъ доказать, что такая любовь *неизбѣжно* приводитъ къ взаимному озлобленію супруговъ, ненависти и домашнему „аду“. Ясно отсюда, что безусловно *всѣ* браки должны бы быть несчастливы, что безусловно *каждая* семейная жизнь должна бы быть „адомъ“. Однако, онъ не рѣшается этого утверждать, говорить, что такихъ супружествъ 99 изъ 100... Допустимъ на время, что здѣсь нѣтъ вопіющаго преувеличенія. Пусть даже такихъ супружествъ будетъ 999 изъ 1000. Ну, а сотое? а тысячное? Почему же они не несчастливы? Если есть хотя одинъ фактъ, его нужно объяснить. Очевидно, или то невѣрно, что кромѣ плотской любви не можетъ быть никакой другой, или то, что плотскія отношенія супруговъ непременно приводятъ къ ссорамъ и враждѣ, или невѣрно то и другое вмѣстѣ, семейные же раздоры могутъ имѣть и еще какіе либо источники, помимо этого...

2) Въ одномъ мѣстѣ рассказа гр. Толстой заставляетъ Позднышева усиленно доказывать „неестественность“ плотской стороны брака ¹⁾... А всего чрезъ 8 страницъ тотъ же Позднышевъ относитъ материнство женщины къ „законамъ природы“ ²⁾ и нѣсколько спустя говоритъ: „вѣдь только по-

¹⁾ Сочин., ч. XIII, стр. 421.

²⁾ Ibid., стр. 429.

думать, какое *великое дѣло* совершается въ женщинѣ, когда она понесла плодъ, или когда кормить родившагося ребенка. И это-то *святое дѣло*....“ и проч. 1). Здѣсь же, осуждая вмѣшательство врачей въ эту сторону брачныхъ отношеній, онъ говоритъ: „выходить, что *Богъ* не понималъ того, что нужно, и потому, не спросившись у волхвовъ, дурно устроилъ...“ 2). Итакъ, даже отрицая и унижая брачную жизнь супруговъ, гр. Толстой, самъ не замѣчая того, относить ее къ *законамъ природы*, называетъ *установленной Богомъ*, и рожденіе матерью ребенка называетъ *дѣломъ великимъ*, даже *святымъ*... Не напоминаетъ ли это Льва Николаевича до 1889 года? И не правда ли, какъ трудно оспаривать неоспоримое?...

3) Плотскія отношенія гр. Толстой считаетъ не только неестественными, но и „мерзкими“, „унизительными“, употребляетъ въ приложеніи къ нимъ и другія выраженія, которыя неудобно здѣсь передавать. Онъ утверждаетъ, что таковы они одинаково и внѣ брака и въ бракѣ. Между тѣмъ, въ той же самой „Крейц. Сонатѣ“ онъ говоритъ устами Позднышева: „развратъ вѣдь не въ чемъ нибудь физическомъ, вѣдь никакое безобразіе физическое не развратъ; а развратъ, истинный развратъ именно *въ освобожденіи себя отъ нравственныхъ отношеній къ женщинѣ, съ которой входишь въ физическое общеніе*“ 3).—Но что же иное представляетъ изъ себя бракъ, если только относиться къ нему хотя сколько нибудь серьезно, какъ не добровольное принятіе на себя *обязательствъ*, вытекающихъ изъ отношеній къ близкой женщинѣ? Въ этихъ словахъ не опровергаетъ ли самъ гр. Толстой своего, проводимаго въ „Крейц. Сон.“, отрицательнаго взгляда на бракъ? Не подтверждаетъ ли онъ лишній разъ, помимо своего желанія, ту неоспоримую истину, что такому осужденію подлежатъ лишь *внѣ-брачныя* плотскія отношенія?

4) Въ „Крейц. Сонатѣ“ гр. Толстой видитъ себя вынужденнымъ, очевидно подъ неотразимымъ для художника вліяніемъ дѣйствительности, заявить устами Позднышева,

1) Стр. 430.

2) Ibid.

3) Стр. 403.

не безъ нѣкотораго уваженія: „браки существовали и существуютъ у тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ нѣчто таинственное. Таинство, которое обязываетъ предъ Богомъ. У тѣхъ они существуютъ“ ¹⁾. Позднышевъ, рассказывая далѣе, какъ, при болѣзни дѣтей, жена его мучилась страхомъ потерять ихъ, въ поясненіе этого страха говоритъ, — что если бы у нея была вѣра въ Бога, „она бы такъ не мучилась, она бы говорила и думала, какъ говорятъ вѣрующіе: Богъ далъ, Богъ и взялъ, отъ Бога не уйдешь“ ²⁾. — Если теперь „Крейц. Соната“ и „Послѣсловіе“ направляются противъ брака вообще, слѣдовательно — и христіанскаго, если здѣсь утверждается, будто-бы „совершенство (надъ брачущимися) духовенствомъ извѣстнаго обряда“ нисколько не измѣняетъ дѣла ³⁾, — не съ подобнымъ же ли противорѣчіемъ въ мысляхъ резонерствующаго моралиста и чувствующаго правду художника встрѣчаемся мы и здѣсь? Направляя свою рѣчь противъ христіанскаго брака, не подчеркиваетъ ли онъ въ то же время его святость и великую важность, при условіи вѣры въ Бога и въ таинство брака? Не является ли „Крейц. Соната“, вопреки желанію автора, въ существѣ дѣла скорѣе апологіей христіанскаго брака? и вся ея противобрачная сентенція не разрѣшается ли лишь въ злую сатиру надъ брачною жизнью „людей своего (для писателя) круга“, т. е. образованной дворянской среды?

Но справедливости крайнихъ отрицательныхъ воззрѣній на бракъ и брачную жизнь гр. Толстого нельзя признать даже и въ этомъ послѣднемъ тѣсномъ и ограниченномъ смыслѣ, т. е. — по отношенію хотя бы только къ интеллигентному дворянскому кругу. Говорящій отъ лица Толстого Позднышевъ считаетъ свою супружескую жизнь *типическою* по отношенію къ этому кругу людей, неоднократно настаивая на томъ, что 99 изъ 100 супружествъ таковы ⁴⁾. Но такъ ли это? Правда ли? Чтобы хотя сколько нибудь придать жизни Позднышева типическое значеніе, какихъ только обвиненій въ крайней, будто-бы, нравственной распущенности ни возводитъ авторъ на эту среду! Въ „Крейц. Сонатѣ“ разсужде-

¹⁾ Ibid., стр. 400.

²⁾ Ibid., стр. 441.

³⁾ Стр. 504.

⁴⁾ См. стр. 444, 451, 461.

ній больше, чѣмъ дѣйствія, а разсужденія сплошь состоятъ изъ такихъ обвиненій. Наприм., оказывается, что въ нашей образованной дворянской средѣ совсѣмъ, будто-бы, утрачено пониманіе нравственной чистоты, что добрачное развращеніе юношей или даже поощряется то какъ молодечество, то какъ необходимое для здоровья, или, по крайней мѣрѣ, считается „невиннымъ развлеченіемъ“ ¹⁾, что, при вступленіи въ бракъ, едва ли есть 1 изъ 100 не развращенный заранѣе и 1 изъ 50, „который впередъ не готовился бы измѣнять своей женѣ при всякомъ удобномъ случаѣ“ ²⁾, что все женское образованіе и воспитаніе направляется только къ одной цѣли—успѣху въ плотской любви, что женщины этого круга живутъ совершенно тѣми же интересами, что и падшія, что между тѣми и другими нѣтъ никакого существеннаго различія ³⁾, что въ этомъ быту, и между мужчинами и между женщинами, „совѣсти нѣтъ никакой, кромѣ совѣсти общественнаго мнѣнія и уголовного закона“ ⁴⁾ и проч. и проч.—Сколько правды во всѣхъ этихъ и множествѣ подобныхъ голословныхъ обобщеній, каждый можетъ судить самъ. Пусть такія обвиненія справедливы по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, быть можетъ—даже многимъ, но очевидно, что это—только *отдѣльныя лица*, худшая часть общества, что въ словахъ гр. Толстого огромное и вопіющее преувеличеніе. Слѣдовательно, и жизнь Позднышева вовсе не можетъ быть считаема типическою по отношенію къ этому обществу.

Но мало того. Въ личности Позднышева, какъ ее изображаетъ гр. Толстой, есть много такого, что прямо лишаетъ ее типическаго значенія, вынуждаетъ, напротивъ, думать, что предъ нами исключительное до уродливости явленіе. Не будемъ много говорить о совершенномъ безбожіи Позднышева, паденіи въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, чисто животномъ отношеніи къ невѣстѣ, женѣ, объ эгоизмѣ, какой-то особенной духовной тупости и неспособности понять душевную жизнь другого, объ его несокрушимомъ самомнѣніи и прочихъ подобныхъ качествахъ, которыми писатель надѣляетъ

¹⁾ Ibid., стр. 406.

²⁾ Стр. 419.

³⁾ См. стр. 411—412 ср. 415.

⁴⁾ Стр. 446.

своего героя... У Позднышева оказываются и такія черты, которыя, думаемъ, никто уже не признаетъ типическими для нашего передового сословія. Это, прежде всего, какая то *низость* характера. Она видна изъ того, что, выслѣживая воображаемую измѣну жены, Позднышевъ подслушиваетъ у дверей, хотя и сознаетъ, какъ это недостойно его... Затѣмъ — *трусливость*: тиранить и убить беззащитную женщину у него хватило храбрости, а когда дошло дѣло до самоубійства, явились и жалость къ себѣ и разнаго рода соображенія о ненужности этого поступка... Каждого поражаетъ, далѣе, *душевная грубость* и какая-то *невыпрятная жестокость* Позднышева. Жену, идущую къ нему объяснить по поводу его безосновательной ревности, онъ, образованный человѣкъ, дворянинъ и даже „предводитель“, встрѣчаетъ и провожаетъ такими грубыми ругательствами, которыя неудобно здѣсь повторять („какъ извозчикъ“, по выраженію жены Позднышева ¹⁾),—самый грубый, добавимъ мы отъ себя). Даже попытка жены отравиться не только не заставляетъ его задуматься надъ вопросомъ, правъ ли онъ по отношенію къ женѣ, не только не пробуждаетъ въ его сердцѣ хотя бы простой жалости къ ней, но, судя по ходу разсказа, не оставляетъ въ немъ даже никакого замѣтнаго впечатлѣнія. — Жестокость эта переходитъ прямо въ звѣрство и кровожадность въ отвратительной сценѣ убійства жены; самомнѣіе, эгоизмъ и душевная грубость становятся прямо чудовищными, когда онъ идетъ потомъ къ умирающей женѣ, чтобы принять ея раскаяніе, размышляя, простить ее или нѣтъ, или когда, при видѣ умирающей отъ его руки жены, матери его дѣтей, не находитъ первоначально въ своемъ сердцѣ ничего, кромѣ отвращенія и „гадливости“ ²⁾ къ ней.

Но и это еще не все. Какъ бы для того, чтобы окончательно лишить личность Позднышева типическаго значенія, писатель изображаетъ своего героя еще субъектомъ съ явными признаками *психической ненормальности*. Его рѣзкость и раздражительность, быстрый переходъ отъ покоя къ сильному возбужденію, крайняя непослѣдовательность мысли

¹⁾ Стр. 463.

²⁾ Стр. 490.

съ безконечными отступленіями въ сторону съ ясностію выступаютъ уже изъ первыхъ страницъ повѣствованія и наблюдаются во всемъ теченіи разсказа. Изъ передаваемыхъ имъ обстоятельствъ своей жизни съ такою же ясностію открываются его крайняя подозрительность, мнительность, всецѣлое господство воображенія и временами — какъ бы полное отсутствіе самообладанія, или, что тоже, ослабленіе воли (когда животныя инстинкты начинаютъ всецѣло господствовать надъ высшими чувствами и понятіями человека). Въ противорѣчій съ этимъ не стоитъ то, что, бросая, во время одной вспышки бѣшенства, въ жену вѣшами, онъ, однако, направляетъ ихъ такъ, чтобы въ жену не попадать, а лишь привести ее въ испугъ ¹⁾. Психопатичность и этого поступка чувствуется невольно, какъ она несомнѣнна и въ дикой сценѣ убійства жены, когда онъ самъ разводитъ пары своего бѣшенства и любитъ ее имъ, и когда совершаетъ то, чего въ глубинѣ души не хотѣлъ.

Послѣ всего этого позволительно еще разъ спросить: можно ли считать жизнь Позднышева типическою — хотя бы только по отношенію къ жизни людей его круга? Отвѣтъ, кажется, ясенъ... А если такъ, то исторіей супружества Позднышева что же собственно хотѣлъ гр. Толстой доказать по отношенію къ браку вообще? Какъ отсюда слѣдуетъ, что супружеская любовь есть зло, что никому не слѣдуетъ жениться и выходить замужъ? Для обоснованія своего отрицанія брака, гр. Толстой взялъ въ примѣръ супружество развратника, низкаго, жестокаго эгоиста и не совсѣмъ нормальнаго психически субъекта.—Не потому ли онъ сдѣлалъ это, что въ противномъ случаѣ, при нормальномъ супружествѣ, ему нечѣмъ было бы подтвердить свою предвзятую мысль? Такъ не обоснованными оказываются крайнія отрицательныя воззрѣнія гр. Толстаго на бракъ и брачную жизнь.

Отвергая бракъ, гр. Толстой пытается далѣе, подобно сектантамъ, дать своему взгляду религіозно-теоретическое обоснованіе. Частію въ самой „Крейц. Сонатѣ“, въ особенности же въ „Послѣсловіи“ къ ней, онъ утверждаетъ, что, во-первыхъ, его взглядъ на бракъ не стоитъ въ противорѣчій съ

¹⁾ Стр. 465.

христіанствомъ и, во-вторыхъ, что онъ съ необходимостію слѣдуетъ изъ правильно понимаемаго христіанскаго ученія.

1) Развивая первую мысль, на возможное и естественное возраженіе, что съ отрицаніемъ брака и брачныхъ отношеній родъ человѣческій обрекается на уничтоженіе, гр. Толстой отвѣчаетъ утвержденіемъ, что это такъ выходитъ и по ученію библейскому ¹⁾ и „есть для религіозныхъ людей догматъ вѣры“ ²⁾. Въ поясненіе онъ говоритъ, что благо людей, по пророчествамъ, въ единеніи ихъ, которому мѣшаютъ страсти и больше всего самая злая изъ нихъ — плотская любовь, которая посему и подлежитъ уничтоженію. На это замѣтимъ: 1) по библейскому ученію, благо людей не въ какомъ то неопредѣленномъ единеніи, но въ духовномъ усовершенствованіи, приближеніи къ Богу и вѣчной блаженной жизни у Него, откуда еще очень далеко до утвержденія общезначительности безбрачія. 2) Библия нигдѣ не говоритъ объ уничтоженіи человѣческаго рода. Здѣсь говорится, напротивъ, что жизнь есть благо, что даже смерть есть лишь переходъ въ иную жизнь, что даже міръ не будетъ въ строгомъ смыслѣ слова уничтоженъ, а лишь преобразованъ. 3) Сужденія гр. Толстого и потому противорѣчатъ библейскому ученію, что то, что здѣсь говорится о т.к. назыв. концѣ этого матеріальнаго міра, по яснымъ словамъ Христа, положено во власти Бога, люди же не только не въ правѣ предпринимать что либо для приближенія этого конца, но имъ не дано знать даже времени или срока грядущихъ великихъ событій (Дѣян. 1, 7, ср. Матѣ. 24, 36 и др.). Если далѣе гр. Толстой пытается найти выходъ изъ затрудненія чрезъ то соображеніе, что цѣломудріе, о которомъ онъ говоритъ, вполне не осуществимо ³⁾, то такая попытка успѣха не имѣетъ. Если только признать, что безбрачіе есть непремѣнное условіе для возможнаго достиженія человѣчествомъ идеала нравственнаго совершенства, во всякомъ случаѣ выходило бы, что степень приближенія людей къ идеалу совпадала бы съ степенью уменьшенія числа человѣческихъ жизней, или иначе: *благо человечества совпадало бы съ само-*

¹⁾ Стр. 422—424.

²⁾ Стр. 499.

³⁾ Стр. 500.

уничтоженіемъ его. Буквально такое выраженіе и стояло въ литографированныхъ спискахъ, въ какихъ „Крейц. Соната“ распространялась въ публикѣ первоначально. Въ печатныхъ изданіяхъ это выраженіе опускается ¹⁾, но сущность дѣла остается той же. А такое пониманіе человѣческаго блага, какъ было показано, противно истинному христіанскому ученію.

Если все съ тою же цѣлью, согласить свое ученіе съ евангельскимъ, гр. Толстой говоритъ, будтобы Христосъ никогда не устанавливалъ брака, то этому утвержденію можно только удивляться. Христосъ не устанавливалъ брака какъ чего либо новаго, по той простой причинѣ, что бракъ уже давно былъ установленъ Богомъ; но Христосъ утвердилъ бракъ и возвысилъ его значеніе, какъ это подробно будетъ показано послѣ.

II) Еще несправедливѣе та мысль гр. Толстого, будтобы отрицаніе брака съ необходимостію и прямо предполагается христіанскимъ ученіемъ. Въ подтвержденіе этой мысли гр. Толстой сначала ссылается на евангельскія изреченія, въ которыхъ 1) запрещается разводиться съ женой, 2) запрещается смотрѣть на женщину съ вожделѣніемъ—„какъ женатому такъ и не женатому“, думаетъ онъ ²⁾; 3) что „не женатому лучше не жениться вовсе“ ³⁾. Но запрещеніе развода съ очевидностію говоритъ не объ отрицаніи Христомъ брака, а объ утвержденіи его. Второе евангельское изреченіе, что грѣшно смотрѣть на женщину съ вожделѣніемъ, сказано было въ сопоставленіи съ ветхозавѣтною заповѣдью, запрещающею грубое нарушеніе супружеской вѣрности. Но такъ какъ та заповѣдь относилась, какъ этого не станетъ отрицать никто, къ *внѣ-брачнымъ* отношеніямъ, то, очевидно, и слова Христа имѣютъ въ виду тѣ же отношенія, а не отношенія мужа къ состоящей съ нимъ въ бракѣ женѣ. Понимать ихъ въ послѣднемъ смыслѣ, по замѣчанію одного критика, было бы то же самое, какъ если бы заповѣдь „не

¹⁾ Здѣсь можно было бы указать множество подобныхъ позднѣйшихъ исправленій первоначального текста „Крейц. Сон.“, сдѣланныхъ авторомъ. Нужно думать, подъ вліяніемъ критики.

²⁾ Такъ гр. Толстой понимаетъ Мѡ. 5, 28 и въ своемъ „Новомъ Евангеліи“ равно какъ въ сочиненіи: „Въ чемъ моя вѣра“.

³⁾ Стр. 505.

укради“ мы стали понимать: „не воруй у себя“, „не трогай того, что принадлежит тебѣ, а не другимъ“ ¹⁾. Третьяго изреченія, что „не женатому лучше вовсе не жениться“ прямо въ евангеліи нѣтъ. Самое большее, что можно вывести изъ 19 главы еванг. отъ Маттея, это только то, что *для некоторыхъ* („кому дано“) безбрачное состояніе бываетъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ бракъ, къ достиженію ими возможнаго христіанскаго совершенства.

Далѣе: ту же мысль, что бракъ прямо, будтобы, исключается христіанствомъ, гр. Толстой хочетъ подтвердить такимъ разсужденіемъ: „идеаль христіанина есть любовь къ Богу и ближнему и служеніе имъ, бракъ же есть служеніе себѣ; слѣдовательно, съ христіанской точки зрѣнія онъ есть паденіе, грѣхъ“ ²⁾. Но что служеніе Богу и ближнему можетъ не исключать брака, это можно видѣть уже изъ того, что любовь къ Богу и ближнему была поставлена цѣлью человѣческой жизни и въ ветхомъ завѣтѣ, однако, наряду съ этимъ, тамъ же былъ установленъ и бракъ. Это же открывается изъ многихъ примѣровъ благочестивыхъ христіанскихъ браковъ, извѣстныхъ изъ исторіи и изъ опыта. Самая возможность такихъ сужденій вытекаетъ изъ неправильнаго воззрѣнія на бракъ, какъ исключительно только на плотской союзъ. Между тѣмъ, въ истинномъ христіанскомъ бракѣ духовная сторона его стоитъ на первомъ планѣ, слѣдовательно, бракъ можетъ и не исключать служенія Богу и ближнему. Къ тому же, безъ нѣкотораго служенія себѣ человѣкъ, во плоти живущій, никогда не можетъ обойтись. Самые суровые аскеты употребляли часть своего времени на добываніе и на потребленіе пищи и питья и на сонъ, что, однако, не препятствовало имъ совершать высшіе подвиги служенія Богу и людямъ. Еще яснѣе совмѣстимость брака съ христіанскимъ назначеніемъ человѣка можно будетъ видѣть изъ положительнаго раскрытія православно-христіанскаго ученія о бракѣ, къ которому мы теперь и обратимся.

Есть мнѣніе, раздѣляемое теперь многими учеными, что

¹⁾ Г. Романовъ въ статьѣ: „Тексты перепуталъ“, — см. „Сущность брака“, изд. С. Шарапова, стр. 10—11.

²⁾ Стр. 504.

человѣчество шло отъ дикости и полной безпорядочности въ плотскихъ отношеніяхъ половъ къ выработкѣ болѣе и болѣе правильныхъ формъ брачной жизни. Гипотеза эта весьма сомнительна, по несогласію съ ней многихъ фактовъ исторіи и опыта. Если въ обще-культурномъ отношеніи исторія знаетъ не одинъ только прогрессъ, но и регрессъ, эпохи реакціи и упадка, то еще чаще можно наблюдать подобное явленіе въ области нравственной жизни — и цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ людей. Строгость нравовъ, чистота жизни и нравственныхъ понятій часто смѣняются постепеннымъ нравственнымъ огрубѣніемъ или даже прямо распущенностію. По свидѣтельству богооткровеннаго ученія, именно это и случилось въ исторіи брака и брачныхъ отношеній. О происхожденіи брака библія повѣствуетъ такъ.—По созданіи перваго человѣка, Господь сказалъ: *не хорошо быть человеку одному; сотворимъ ему помощника соотвѣтственнаго ему*. И послѣ того какъ Адамъ не нашелъ въ мірѣ неразумныхъ существъ, приведенныхъ къ нему Богомъ, существа подобнаго ему, Господь взялъ у него во время сна ребро, создалъ изъ него женщину и привелъ ее къ Адаму. Затѣмъ Господь благословилъ первыхъ людей и сказалъ имъ: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею* (Быт. 2, 18—25 ср. 1, 28). Какъ ни кратко это библейское сказаніе, однако изъ него съ ясностію выступаютъ всѣ существенныя черты богооткровеннаго ученія о бракѣ, именно:

Во 1-хъ, бракъ установленъ Самимъ Богомъ и при самомъ созданіи человѣка, слѣдовательно—не есть какая либо уступка чувственности, но находится въ связи съ назначеніемъ человѣка. Вступленіе въ бракъ, тѣмъ не менѣе, есть дѣло свободы его, а не что либо внѣшне-обязательное, ибо Ева творится не прежде, какъ Адамъ самъ созналъ въ ней нужду.

Во 2-хъ, существо брачнаго союза полагается главнымъ образомъ въ нравственномъ отношеніи половъ: Ева создается прежде всего какъ *помощница* мужа, *подобная* ему; но этимъ не отрицается и плотская сторона брака, ибо дается благословеніе на размноженіе. Есть здѣсь и частнѣйшее указаніе нормы брачнаго союза: онъ долженъ состоять изъ одного мужа и одной жены и долженъ быть союзомъ болѣе

тѣснымъ, чѣмъ, напримѣръ, у животныхъ, ибо жена создается изъ ребра мужа, чего не видимъ при сотвореніи животныхъ; долженъ быть, слѣдовательно, союзомъ неразстѣжимымъ.

Въ 3-хъ, въ связи съ сказаннымъ, цѣлью брачнаго союза полагается размноженіе людей и стоящее въ неразрывной связи съ этимъ ихъ господствованіе надъ всѣми земными тварями, иначе—выявленіе и торжество разумно-свободнаго начала въ мірѣ неразумныхъ существъ.

Этотъ чистый и высокій райскій законъ брака и остался бы на всѣ времена неизмѣннымъ закономъ жизни, если бы не произошло грѣхопаденія людей. Сущность послѣдняго, по библейскому повѣствованію, заключалась въ самовольномъ освобожденіи себя отъ послушанія волѣ Божіей, ближайшее слѣдствіе — въ возобладаніи чувственнаго начала человѣческой природы надъ духовнымъ. Естественно, что выступленіе на путь самоволія очень скоро привело человека къ нарушенію и богоучрежденнаго закона брака, а господство въ немъ съ этого времени чувственнаго начала заранѣе предрѣшало и то направленіе, въ какомъ будетъ происходить это нарушеніе. Именно: духовно-нравственная сторона брачнаго союза постепенно стала все болѣе и болѣе затемняться въ человѣческомъ сознаніи, значеніе же плотской стало все болѣе и болѣе выростать, въ ущербъ первой. При возрѣніи на бракъ, какъ прежде всего на источникъ плотскихъ наслажденій, мужчина, пользуясь своимъ физическимъ превосходствомъ, съ теченіемъ времени низвелъ свою свободную прежде и на одинаковой высотѣ съ нимъ стоящую подругу жизни на степень простого лишь орудія наслажденія. Бракъ, такимъ образомъ, сталъ утрачивать значеніе *личнаго* нравственнаго союза. Отсюда у языческихъ народовъ явилось многоженство съ крайне приниженнымъ положеніемъ при немъ женщины и необычайное, иногда прямо изумительное, развращеніе нравовъ ¹⁾. Правда, у этихъ же народовъ можно наблюдать нѣкоторые слѣды первоначаль-

¹⁾ Чтобы не увеличивать, безъ необходимости, размѣровъ своего труда, опускаемъ относящіяся сюда подробности. Свѣдѣнія о состояніи брака у разныхъ народовъ—древнихъ и позднѣйшихъ—можно найти въ Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „бракъ“. VIII полут., стр. 558—572.

наго закона брака, въ ограниченіи, напримѣръ, числа женъ у *индусовъ*, въ различеніи старшей жены и младшихъ, подчиненныхъ ей, у древнихъ *египтянъ*, въ *Китаѣ*, *Индокитаѣ* и *Японіи*, въ единоженствѣ и, сравнительно, высокомъ положеніи женщины у древнихъ *германцевъ*, въ довольно высокомъ понятіи о бракѣ у *римлянъ* въ нѣкоторыя эпохи ихъ исторіи ¹⁾... Но въ общемъ искаженіе и забвеніе первоначальнаго чистаго и высокаго закона брака зашло очень далеко. Многоженство и наложничество проникли даже въ среду богоизбраннаго еврейскаго народа, имѣя здѣсь основаніе во взглядѣ на многочадіе какъ на благословеніе Божіе и безчадіе—какъ на позоръ, равно какъ въ малочисленности этого народа среди окружавшихъ его сильнѣйшихъ народовъ. Уклоненіе отъ райскаго закона брака выразилось здѣсь и въ сравнительной легкости разводовъ, допущенныхъ въ законѣ Моисеевомъ въ видѣ уступки слабости духовно мало развитыхъ людей (Второзак. 24, 1—3 и др., срав. Мѡ. 19, 8). Тѣмъ не менѣе среди этого народа первоначальный законъ брака сохранился въ большей, сравнительно, степени. Господствующей и обычной формой брачной жизни здѣсь было *единоженство*, не исчезавшее совсѣмъ даже при наложничествѣ. Такъ, хотя Авраамъ и имѣлъ сына отъ рабыни Агари, но *госпожей* въ домѣ его была *Сарра*. При этомъ, бракъ мыслился у евреевъ какъ не только плотской, но вмѣстѣ и *нравственный* союзъ: жена — „подруга“ жизни мужа (Мал. 14), мужъ—„руководитель юности“ ея (Притч. 2, 17). Даже Соломонъ, извѣстный своимъ многоженствомъ, изображая въ книгѣ Притчей идеальное супружество, представляетъ его какъ исполненный высокаго нравственнаго характера союзъ одного мужа и одной жены (Притч. 31, 10—31). Въ связи съ такимъ воззрѣніемъ на бракъ, какъ на нравственное отношеніе между полами, стояли у евреевъ и многоразличные законы, ограждавшіе чистоту семейной жизни.

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ уклоненія отъ первоначальнаго райскаго закона брака, истинная идея его, въ своихъ существенныхъ чертахъ, не была совсѣмъ забыта людьми. И христіанству оставалось лишь возстановить эту

¹⁾ Подробнѣе см. тамъ же.

идею во всей ея чистотѣ, поставить брачныя отношенія въ соотвѣтствіе съ существомъ христіанскаго нравственнаго идеала и дать людямъ помощь къ сохраненію ихъ въ такомъ соотвѣтствіи. Все это оно и сдѣлало.

Нѣкогда къ Иисусу Христу приступили фарисеи и, искушая Его, спросили: *по всякой ли причинѣ позволительно человеку разводиться съ женою своею?* (Мѡ. 19, 3 ср. Мрк. 10 гл.). Что же Христосъ?—Если бы Онъ былъ противъ брака, считалъ его грѣхомъ и паденіемъ, недостойнымъ Своихъ послѣдователей, то конечно сказалъ бы, что въ бракъ совсѣмъ и не нужно вступать. Однако же мы видимъ не то. *Не читали ли вы, отвѣчаетъ Онъ, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ? И сказалъ: посему оставитъ человекъ отца своего и мать, и прильпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотію; такъ что они уже не двое, но одна плоть* (4—5 ст.). Здѣсь, очевидно, опредѣляется самое существо брака: по мысли Христа, онъ есть богоучрежденный и стоящій въ связи съ назначеніемъ человека союзъ одного мужа и жены, союзъ полный и тѣснѣйшій, обнимающій всецѣло природу людей, слѣдовательно, — и духовную и плотскую стороны людей, до сліянія ихъ какъ бы въ одно лице. Сила или глубина брачнаго единенія, по смыслу этихъ словъ, такъ велика, что предъ нею отступаютъ на задній планъ даже такія святыя глубоко и въ духовной и въ тѣлесной природѣ коренящіяся связи, какъ сыновнія чувства къ родителямъ. Изъ такого понятія о бракѣ ясно слѣдовало выводъ, что бракъ по самому своему существу *нерасторжимъ*, что разводъ вовсе не долженъ имѣть мѣста. Этотъ выводъ, служащій отвѣтомъ на вопросъ фарисеевъ, Христосъ и дѣлаетъ, когда заключаетъ Свою рѣчь словами: *итакъ, что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ* (6 ст.). Въ дальнѣйшихъ словахъ Онъ дѣлаетъ исключеніе только въ одномъ случаѣ, именно — при нарушеніи супружеской вѣрности, когда бракъ, какъ союзъ двухъ въ одно, расторгается собственно самымъ преступленіемъ (7—9 ст.). Совершенно тоже Христосъ говоритъ о разводѣ и въ нагорной бесѣдѣ (Мѡ. 5, 31—32). Кромѣ того, ограждая чистоту брачныхъ отношеній, Христосъ осуждаетъ здѣсь не только фактическое нарушеніе супружеской вѣрности, но даже самую мысль о томъ.—Такимъ образомъ, I. Христосъ

возстановилъ во всей чистотѣ первоначальный раѣскій законъ брака, тѣмъ самымъ осудивъ всѣ извращенія его въ язычествѣ и освободивъ его отъ всѣхъ измѣненій и уступокъ человѣческой слабости, сдѣланныхъ временно въ законъ Моисеевымъ.

Но этого мало. Въ ученіи Христа брачный союзъ получилъ новый и глубочайшій смыслъ. Уже Самъ Христосъ сравнивалъ Свою земную жизнь во плоти съ брачнымъ торжествомъ (Мѡ. 9, 15), подобно тому какъ этимъ же образомъ пользовался для изображенія союза Христа съ церковью и Предтеча Христовъ (Іо. 3, 29 — 30). Особенно же подробно раскрываетъ значеніе брака, какъ образа такого союза, ап. Павелъ (Еф. 5, 22—23). Такое христіанское воззрѣніе на бракъ не только поднимаетъ его на небывалую высоту, но опредѣляетъ его—какъ прежде всего и главнымъ образомъ духовно-нравственный союзъ мужа и жены. Союзъ Христа съ Церковью, какъ учитъ апостолъ, имѣетъ въ своемъ основаніи безпредѣльную *любовь*, по которой Сынъ Божій предалъ Себя за Церковь, существо его въ тѣснѣйшемъ единеніи, подобномъ единенію главы съ тѣломъ, цѣль—въ духовно-благодатномъ усовершеніи и освященіи церкви (Ефес. 5, 23 — 27). Отсюда и христіанскій бракъ долженъ отображать въ себѣ всѣ эти существенныя черты союза Христа съ церковью. Любовь, которая, по смыслу этого ученія, должна лежать въ основаніи брачнаго союза, очевидно, не есть только плотское влеченіе другъ къ другу мужчины и женщины. Такая любовь никогда не можетъ служить прочнымъ и плодотворнымъ основаніемъ брачной жизни. Прежде всего она, по самому своему существу, всегда эгоистична, цѣль ея только одна—собственное наслажденіе. При томъ, она всегда кратковременна и непрочна, измѣнчива и непостоянна, потому что ищетъ себѣ все новыхъ и новыхъ предметовъ. Любовь, которая полагается указаннымъ христіанскимъ воззрѣніемъ на бракъ въ основу взаимныхъ отношеній мужа и жены, есть прежде всего нравственное чувство, состоящее въ преданности любимому существу и стремленіи къ полнѣйшему взаимообщенію съ нимъ, — по образу любви, соединяющей Христа съ церковью. Возможность такой любви между мужчиной и женщиной стоитъ въ связи съ провозглашеннымъ въ христіанствѣ ученіемъ

о достоинствѣ человѣческой личности и равенствѣ предъ Богомъ того и другого пола: *о Христѣ Иисусѣ*, говоритъ апостолъ, *нѣтъ мужескій полъ ни женскій, но вси едино* (Галат. 3, 28). Только при такомъ возвышеніи достоинства женщины сдѣлалась возможной любовь между ею и мужчиной, какъ полное нравственное жизнеобщеніе. Основанія или побужденія, располагающія къ ней, заключаются въ психическихъ особенностяхъ половъ, въ нѣкоторой естественной односторонности каждаго изъ нихъ и нуждѣ его во взаимодополняющемъ вліяніи другого. „Каждый изъ нихъ“, говоритъ одинъ ученый богословъ-моралистъ, „предназначенъ къ тому, чтобы представлять собою человѣчность, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что только оба они вмѣстѣ представляютъ цѣлое человѣческое существо. Мужчина, по самой своей организаціи, предназначенъ къ тому, чтобы проявлять человѣчность главнымъ образомъ въ общемъ направленіи, вслѣдствіе чего и сферами его дѣятельности являются государства и гражданскія общества, наука и искусство; женщина, напротивъ,—въ индивидуальномъ направленіи, почему она и находитъ область своей дѣятельности главнымъ образомъ въ семействѣ и въ домашней жизни“ ¹⁾. Такое же взаимодополняющее отношеніе ихъ другъ къ другу можно наблюдать и при сравненіи отдѣльныхъ силъ и способностей мужской и женской природы. Болѣе сильный и болѣе способный къ отвлеченнымъ логическимъ построеніямъ умъ мужчины часто бываетъ не чуждъ односторонности, являющейся слѣдствіемъ продолжительной и напряженной работы въ опредѣленномъ направленіи. Въ этомъ случаѣ прекраснымъ дополненіемъ къ нему является умъ женщины, обычно менѣе глубокой, но болѣе быстрый и живой, способный иногда непосредственно угадывать истину тамъ, гдѣ не доходятъ до нея путемъ отвлеченнаго мышленія. Въ области чувства женщина отличается отъ мужчины большимъ развитіемъ въ ней сердечной жизни. Нѣжность ея сердца можетъ весьма благотворно вліять на нѣкоторую суровость и черствость сильной половины человѣческаго рода, являющіяся слѣдствіемъ

¹⁾ Мартенсенъ „Христіан. ученіе о нравственности“, перев. Лопухина, Спб. 1890, т. II, стр. 12—13 и дал.

того, что на долю мужчины выпадаетъ больше жизненной борьбы съ окружающимъ. Въ области внѣшней дѣятельности мужчина отличается отъ женщины тѣмъ, что въ то время какъ въ первомъ преобладаютъ активныя свойства характера, въ послѣдней—пассивныя. Мужчина по природѣ своей болѣе способенъ къ иниціативѣ, борьбѣ, стремится преобладать, господствовать, руководить; женщина болѣе способна приспособляться, слѣдовать за другимъ, подчиняться, въ чемъ, между прочимъ, полагаютъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ и большей религіозности женщинъ ¹⁾.

Упомянутый богословъ-моралистъ говоритъ: „всякая попытка характеризовать различіе индивидуальности между мужчиной и женщиной можетъ, даже при самыхъ большихъ подробностяхъ, представить лишь слабыя очертанія, которыя получаютъ значеніе только при личномъ опытѣ. Только поэтъ можетъ изобразить ихъ“ ²⁾. Тѣмъ не менѣе, сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, что христіанская супружеская любовь, понимаемая прежде всего какъ полное и неразрывное нравственное общеніе жизни, для взаимодополненія и взаимовспоможенія, имѣетъ глубокое природное основаніе. Взаимно восполняя другъ друга въ брачномъ жизнеобщеніи, супруги съ теченіемъ времени все тѣснѣе и тѣснѣе соединяются между собою. Природныя особенности пола въ каждомъ изъ нихъ постепенно, подъ вліяніемъ другого, сглаживаются, одинъ все болѣе и болѣе начинаетъ пріобрѣтать свойства и качества другого. Мысли и чувства одного дѣлаются понятными для другого безъ словъ, каждый видитъ въ другомъ какъ бы часть самого себя ³⁾. Христіанская идея сліянія двухъ жизней въ одно неразрывное цѣлое, выражаемая въ словахъ апостола: *ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, въ Господь* (1 Кор. 11, 11), становится дѣйствительностію. Каждый изъ супруговъ любитъ другого какъ самого себя, или даже больше, чѣмъ себя, во всякую минуту готовъ пожертвовать для него всѣмъ.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у Мартенсена, *ibid.*, стр. 12—20, ср. Страхова, цитов. сочин., стр. 31—34.

²⁾ Мартенсенъ, *ibid.*, стр. 20.

³⁾ Едва ли не всѣмъ извѣстно, что иногда, при продолжительной и согласной совмѣстной жизни супруговъ, они дѣлаются похожими одинъ на другого даже чертами лица.

Супружеская любовь дѣлается, такимъ образомъ, дѣйствительнымъ отображеніемъ безпредѣльной любви Христа къ церкви, по которой Онъ даже Себя предалъ за нее.

Такая любовь должна проникать обоихъ супруговъ, какъ и все въ бракѣ, съ христіанской точки зрѣнія, должно быть взаимно. Не выражаться она должна не совсѣмъ одинаковымъ образомъ. Хотя оба пола и равны въ религіозно-нравственномъ отношеніи, но во внѣшнемъ положеніи и состояніи находящихся въ бракѣ лицъ такого равенства быть не можетъ. Въ полномъ согласіи съ вышеуказанными природными психическими особенностями половъ, взаимныя отношенія состоящихъ въ бракѣ лицъ христіанское ученіе опредѣляетъ такъ: со стороны мужа супружеская любовь выражается въ *главенствѣ* надъ женою, со стороны жены — въ *повиновеніи* мужу (Ефес. 5, 22—24). Но эти отношенія главенства и повиновенія отнюдь не есть отношенія деспотизма съ одной стороны и рабства съ другой, въ какомъ они понимаются иногда людьми, не уразумѣвшими духа христіанства. Понятія главенства и повиновенія не оставлены въ новозавѣтномъ ученіи безъ ближайшаго опредѣленія: мужу не просто указано главенство, но — по образу главенства Христа надъ церковью, женѣ заповѣдано не просто повиновеніе, но — по образу повиновенія церкви Христу. Опредѣляя, въ чемъ заключается главенство мужа надъ женою, апостолъ говоритъ: *мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ церковь и предалъ Себя за нее* (Ефес. 5, 25). Но Христосъ, какъ поясняетъ тотъ же апостолъ въ другомъ мѣстѣ, сдѣлался Главою церкви только послѣ того, какъ прошелъ тяжелый путь самоотреченія и самоотверженія даже до крестной смерти (Филипп. 2, 6, 11). Поэтому и главенство мужа должно заключаться въ полномъ самоотверженіи служеніи благу жены, до готовности пожертвовать для нея даже жизнію¹⁾. Мужъ долженъ окружить жену всѣми заботами объ ея внѣшнемъ житейскомъ благополу-

¹⁾ „Хотя бы нужно было пожертвовать за нее (жену) жизнію, хотя бы нужно было тысячекратно быть разсѣченнымъ, или потерпѣть и пострадать что бы то ни было, не отказываясь“, — внушаетъ мужу св. Златоустъ (Бесѣд. 20 на посл. къ Ефес., изд. Спб. дух. акад., 1858 г., въ русск. перев., ч. I стр. 315).

чи, долженъ стремиться къ тому, чтобы сколько можно больше взять на себя, какъ болѣе сильнаго, житейской тяготы, выпадающей на долю семьи, быть другомъ, защитникомъ и охранителемъ жены. Въ то же время мужъ долженъ, во всю мѣру своихъ силъ и способностей, быть кроткимъ, любящимъ и заботливымъ руководителемъ ея на всѣхъ путяхъ жизни, отнюдь не прибѣгая къ какому либо насилью и угрозамъ ¹⁾. Равнымъ образомъ, и повиновение жены должно быть подобнымъ повиновенію церкви Христу. А церковь повинуется Христу не изъ какого либо рабскаго страха или внѣшней необходимости. Ея повиновение свободное и основывается на глубочайшемъ чувствѣ любви ко Христу, какъ своему Спасителю и Освятителю. Отсюда и повиновение жены должно быть также свободнымъ и основываться на радостномъ сознаніи жизненной опоры въ мужъ и на чувствѣ любви и признательности ему за труды и попечение о ней. Сравненіе никогда не предполагаетъ полного совпаденія или тождества, что въ настоящемъ случаѣ очевидно и безъ разъясненій. Мужъ, въ отличіе отъ Главы церкви—Христа, можетъ, какъ человѣкъ, быть неправымъ, заблуждаться. Отсюда сказаннымъ вовсе не исключается возможность добраго вліянія и жены на мужа. Христіанское ученіе, напротивъ, прямо призываетъ ее къ этому (1 Петр. 3, 1—2). При богобоязненности жены, видитъ въ ея вліяніи на дурного мужа даже средство къ возможному спасенію его (1 Кор. 7, 14—16), лишь бы жена не стремилась къ внѣшнему господству надъ мужемъ и властолюбивому поработенію его себѣ, что такъ не свойственно природѣ того и другой (1 Тимое. 2, 12); вліять на мужа она должна, какъ говоритъ апостоль, преимущественно чистотою жизни и скромностію (1 Петр. 3, 1—7). При наличности такихъ условій, любовь жены получаетъ значеніе великой силы. „Поистинѣ, по-

¹⁾ Разъясняя апостольское наставленіе, св. Златоустъ говоритъ: „умѣй заставить ее (жену) быть тебѣ покорною твоимъ великимъ о ней попеченіемъ, любовію и дружбою... Сопутницу жизни, мать дѣтей и виновницу всѣхъ семейныхъ радостей нужно привязывать къ себѣ не страхомъ и угрозами, но любовію и расположенностію. Что за супружество, когда жена трепещетъ мужа? Какимъ удовольствіемъ можетъ наслаждаться мужъ, который сожительствоетъ съ женою, какъ съ рабою, а не какъ съ свободною“?—ibid., стр. 316.

истинѣ“, говорить св. Златоустъ, „любовь эта имѣетъ болѣе силы, чѣмъ всякое господство“ ¹⁾).

Ясно, что при такомъ пониманіи главенства и повиновенія, христіанское ученіе видитъ въ нихъ не что нибудь иное, а именно только выраженіе все той же истинной супружеской любви; она одинаково наполняетъ обоихъ супруговъ, но проявляется у каждаго особымъ образомъ, соотвѣтственнымъ психическимъ особенностямъ его пола.

Изъ того, что бракъ служитъ отображеніемъ союза Христа съ церковью, дѣлается ясной и цѣль полного духовнаго взаимообщенія въ бракѣ. Цѣль союза Христа съ церковію апостолъ полагаетъ въ томъ, *чтобы освятить ее... чтобы представить ее Себѣ славною церковью, не имѣющею пятна или порока, или чего либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна* (Ефес. 5, 26—27). Отсюда и цѣль брака, какъ духовнаго союза между мужемъ и женою, заключается, очевидно, въ ихъ всестороннемъ духовномъ усовершенствованіи. Такъ какъ въ бракѣ каждая сторона нуждается во вліяніи на нее другой, то это усовершенствованіе одинаково составляетъ цѣль брачнаго жизнеобщенія и для того и для другого пола. И мужъ и жена, чрезъ взаимное вліяніе другъ на друга, одинаково должны стремиться къ тому, чтобы раскрыть и осуществить въ другомъ всѣ заключающіяся въ немъ нравственныя возможности ²⁾, во всю мѣру своихъ силъ содѣйствовать возможному осуществленію имъ христіанскаго идеала жизни (Мѡ. 5, 48) и достиженію чрезъ то спасенія. Апостолъ Павелъ такъ прямо опредѣляетъ цѣль духовной стороны брачнаго взаимообщенія супруговъ, когда говоритъ, что даже невѣрующій мужъ чрезъ взаимообщеніе съ вѣрующей женой *освящается* (погречески *ἁγιασται*, прош. сов., означаетъ собственно *посвященъ*, т. е., въ настоящемъ случаѣ, предназначенъ къ спасенію). И далѣе, чтобы убѣдить вѣрующихъ не расторгать безъ крайней необходимости браковъ съ невѣрующими, апостолъ прибавляетъ: *почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь ли жены?* (1 Кор. 7, 14—16). „Есть надежда“, говорить въ поясненіе этого мѣста св. Златоустъ, „что

¹⁾ *ibid.*, стр. 312.

²⁾ См. у Страхова, цитов. сочин., стр. 52.

жена невѣрнаго обратить его; ибо она для него своя“ ¹⁾. „Оставайся“, внушаетъ онъ христіанкѣ, женѣ язычника, „и увѣщевай, совѣтуй, убѣждай; никакой учитель не можетъ убѣдить такъ, какъ жена“ ²⁾.

Если даже невѣрующій супругъ, по апостолу, можетъ быть приведенъ къ вѣрѣ и достигнуть спасенія чрезъ брачное взаимообщеніе съ вѣрующей супругой, или обратно, то, очевидно, тѣмъ скорѣе возможно взаимное содѣйствіе вѣрующихъ супруговъ душевному спасенію другъ друга. Совершенно то же говоритъ и ап. Петръ (1 Петр. 3, 1—2). Такова, по новозавѣтному ученію, цѣль духовной стороны брачнаго жизнеобщенія людей.

Но бракъ, по христіанскому ученію, не есть только духовный союзъ мужа и жены. Въ немъ есть и плотская сторона, и полагаемая въ основу брака любовь, какъ нравственное отношеніе между полами, совсѣмъ не исключаетъ и плотской любви между ними. Грубо заблуждаются тѣ, которые полагаютъ въ послѣдней всю суть брачнаго союза ³⁾, но одинаково неправы и тѣ, которые утверждаютъ, что христіанство рѣшительно отрицаетъ ее, и что она во всякомъ случаѣ есть „позоръ“, „паденіе“ и „грѣхъ“, лишь допускаемая, будто бы, церковью въ виду слабости человѣческой ⁴⁾. Въ томъ и другомъ случаѣ обнаруживается, наряду съ непочтеніемъ къ церкви, больший или меньшій недостатокъ пониманія христіанскаго ученія объ этой сторонѣ брачнаго союза. Что бракъ людей, живущихъ во плоти, естественно имѣетъ и плотскую сторону, это понятно и само по себѣ и съ очевидностію слѣдуетъ изъ самаго понятія о бракѣ, какъ полномъ и нераздѣльномъ жизнеобщеніи двухъ половъ. О томъ же, съ другой стороны, властно говоритъ и голосъ са-

¹⁾ Златоустъ, Бесѣд. 19 на 1 Коринѣ., въ русск. перев., изд. Спб. дух. акад. 1858 г., ч. I стр. 364.

²⁾ *ibid.*, стр. 336.

³⁾ Таковы гг. Розановъ, Мережковский и многіе послѣдователи ихъ возрѣвній. Опытъ болѣе подробнаго изложенія и оцѣнки ихъ взглядовъ можно видѣть въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „О христіанскомъ бракѣ (по поводу соврем. толковъ въ печати о бракѣ и безбрачій)“—Богослов. Вѣстн., 1900, т. I, стр. 299 и дал.

⁴⁾ Разумѣемъ здѣсь главн. обр. гр. Л. Толстого, затѣмъ — гг. Шарпова, Меньшикова и др.

мой природы человѣческой. За исключеніемъ немногихъ лицъ, предрасположенныхъ къ безбрачію, у каждого человѣка въ извѣстномъ возрастѣ просыпается сначала смутное и неясно сознаваемое чувство влеченія къ другому полу. Выясняясь съ теченіемъ времени и переходя во влеченіе къ опредѣленному лицу, это чувство, обычно называемое любовью, включаетъ въ себѣ, наряду съ стремленіемъ къ духовному соединенію съ этимъ лицомъ, и потребность физической близости его. Что бы ни говорили, въ опроверженіе послѣдней мысли, защитники односторонняго спиритуализма въ бракѣ, въ ихъ рѣчахъ можно признать справедливымъ только то, что эта потребность бываетъ выражена не у всѣхъ въ одинаковомъ возрастѣ и въ одинаковой степени,—въ зависимости отъ пола, возраста, темперамента, степени физического развитія и условій воспитанія. Но въ той или иной мѣрѣ, рано или поздно, такая потребность обнаруживается у всѣхъ, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ лицъ. Столь же очевидное и неоспоримое указаніе на естественность плотскихъ брачныхъ отношеній дано въ фізіологическихъ особенностяхъ каждого пола,—не случайныхъ, не искусственно развитыхъ какими либо соответствующими способами, но относящихся къ самой природѣ его. Если же въ самую природу человѣка заложена потребность физического сближенія съ лицомъ другого пола, и если въ полномъ соответствіи съ этимъ находятся и природныя фізіологическія особенности половъ, то отрицать безусловно и для всѣхъ плотскую сторону брачныхъ отношеній, въ которыхъ такая потребность достигаетъ полного осуществленія, и половыя особенности выполняютъ свое назначеніе, значило бы идти противъ самой природы человѣка. Поэтому и христіанство принципиально не отвергаетъ плотской стороны брака, напротивъ, дозволяетъ и благословляетъ ее, хотя не для всѣхъ и не безусловно.

Это видно уже изъ многихъ евангельскихъ мѣстъ. Такъ, Христосъ, возстановляя во всей чистотѣ первоначальный законъ брака, не только ни однимъ словомъ не отвергъ и не воспретилъ плотскихъ отношеній мужа и жены, но, напротивъ, словами: *будутъ два одною плотію, такъ что они уже не двое, но одна плоть* (Мѣ. 19, 5—6) ясно показалъ, что бракъ есть тѣснѣйшій союзъ не только по духу, но и по

плоти. Въ этомъ же мѣстѣ Христосъ говоритъ потомъ, что безбрачіе могутъ вмѣстить только нѣкоторые, кому дано это отъ Бога. Такъ какъ контекстъ рѣчи показываетъ, что разумѣются собственно плотскія отношенія въ бракѣ, то опять ясно, что Христосъ допускаетъ плотскую сторону брака, или, по крайней мѣрѣ, не считаетъ возможнымъ отвергать ее вообще для всѣхъ. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о будущей жизни людей, по воскресеніи, Онъ указываетъ на то, что тогда людямъ будетъ свойственно безбрачное состояніе, подобно безплотнымъ ангеламъ (Мѡ. 22, 30). Такъ какъ такое состояніе душъ воскресшихъ людей Онъ противопоставляетъ, судя по контексту рѣчи, *плотскимъ* брачнымъ отношеніямъ людей во время земной жизни (см. 25 ст.), то опять очевидно, что эти послѣднія Онъ считалъ свойственными и естественными для людей въ этой жизни. Совершенно тотъ же смыслъ имѣетъ изображеніе Христомъ жизни людей предъ вторымъ пришествіемъ Его (Мѡ. 24, 38—39). Примѣчательно, далѣе, то, что въ самомъ началѣ Своего общественнаго служенія Христосъ удостоиваетъ посѣщенія брачное торжество въ Канѣ галилейской и здѣсь же совершаетъ Свое первое чудо (Іо. 2, 1—11). Ни откуда не видно, чтобы это былъ какой либо особый бракъ, для сожительства подобно брату и сестрѣ; идея подобнаго брака была, напротивъ, совершенно чужда, чтобы не сказать болѣе, ветхому завѣту; и потому здѣсь мы имѣемъ уже не простое дозволеніе или допущеніе плотской стороны брака, но прямо благословеніе и освященіе ея. По словамъ св. Кирилла Александрійскаго, посѣщеніемъ брачнаго торжества въ Канѣ галилейской Христосъ „благословилъ не только рожденныхъ, но и имѣющихъ родиться“ ¹⁾. Тотъ же выводъ слѣдуетъ изъ евангельскаго сравненія радости апостоловъ, по воскресеніи Христа, съ радостію женщины, родившей младенца, или изъ евангельскаго повѣствованія о благословеніи Христомъ дѣтей (Мѡ. 19, 13—15), являющихся плодомъ брачнаго сожитія родителей. Совершенно также смотрятъ на эту сторону брака и апостолы Христовы. Что и они допускали плотскую сторону брачныхъ отношеній, это слѣдуетъ уже изъ словъ апостола: *жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ;*

¹⁾ Migne, Patrol. curs. compl., ser. gr., t. LXXIII, col. 225.

равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена, въ связи съ чѣмъ онъ даетъ наставленіе не уклоняться другъ отъ друга на долгое время, чтобы сатана не искушалъ невоздержаніемъ (1 Кор. 7, 4—5). Тотъ же апостоль прямо говоритъ, что плотскія отношенія въ бракѣ позволительны (1 Кор. 7, 5—6), что женитьба или выдача дочери въ замужество не составляютъ грѣха (28, 36 ст.), называетъ бракъ честнымъ и брачное ложе непорочнымъ (Евр. 13, 4), молодымъ вдовамъ, во избѣжаніе соблазновъ праздної и порочної жизни, прямо даетъ совѣтъ *вступать въ бракъ и рождать дѣтей* (1 Тимое. 5, 14), въ чадородіи, при условіи соблюденія христіанскихъ добродѣтелей, указываетъ для женщины даже путь спасенія (1 Тимое. 2, 15). Наконецъ, запрещающихъ вступать въ бракъ, по причинѣ гнушенія имъ, апостоль прямо называетъ *лицемѣрными лжесловесниками...*, ихъ ученіе *обольстительнымъ и бѣсовскимъ*, могущимъ привести лишь къ отпаденію отъ вѣры (1 Тимое. 4, 1—5). Совершенно тотъ же взглядъ высказывается въ апостольскихъ и соборныхъ правилахъ. Напримѣръ, 51 апост. правило гласитъ: *„аще кто... удаляется отъ брака... не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гнушенія, забывая, что... Богъ, созидая человека, мужа и жену сотворилъ ихъ..., или да исправится, или да будетъ изверженъ изъ священнаго чина и отверженъ отъ церкви. Такожде и мірянинъ“* ¹⁾. Въ правилахъ гангрскаго собора ²⁾, признанныхъ потомъ и вселенскими соборами, неоднократно и настойчиво осуждаются тѣ, которые удаляются отъ брака по гнушенію послѣднимъ ³⁾, брачное честное сожителство почитается ⁴⁾, и дѣвствующимъ строго воспрещается превозноситься предъ бракосочетавшимися ⁵⁾. Подобный взглядъ на плотскія отношенія супруговъ проводится еще и въ пра-

¹⁾ Правила свв. ап. съ толков., въ русск. перев., изд. общ. люб. дух. пр., Москва, 1887 г., стр. 95—96, срав. 5 ап. правило, — *ibid.*, стр. 7—8, и друг.

²⁾ Онъ былъ созданъ вскорѣ послѣ 1 всеа. соб. по поводу нѣкоего Евстафія и его единомышленниковъ, хулившихъ бракъ и утверждавшихъ, будто бы для находящихся въ немъ нѣтъ надежды на спасеніе.

³⁾ См. наприм. прав. 1, 9, 14—правила свв. помѣстныхъ соборовъ, съ толков., вып. 1, Москва, 1880, стр. 108, 116, 121.

⁴⁾ См. 21 прав., *ibid.*, стр. 131.

⁵⁾ См. 10 прав., *ibid.*, стр. 117.

вилахъ соборовъ анкирскаго, неокессарійскаго, кареагенскаго и VI вселенскаго. Также учать и отцы и учителя церкви ¹⁾. Если нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ, почему либо не удовлетворяющіеся церковнымъ ученіемъ о бракѣ, указываютъ иногда на мнѣнія нѣкоторыхъ отцевъ и учителей церкви (преимущественно-западной), повидимому не совсѣмъ благопріятныя браку ²⁾, то это обстоятельство еще нисколько не говоритъ о какой либо двойственности въ ученіи церкви. Подобныя мнѣнія суть не болѣе какъ лишь частныя и отдѣльныя мнѣнія весьма немногихъ, сравнительно, лицъ, и не въ нихъ нужно видѣть выраженіе истинно-христіанскаго взгляда на бракъ, а въ ученіи всей церкви, изложенномъ въ опредѣленіяхъ и постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ. Точно также изложенному христіанскому взгляду на плотскую сторону брачныхъ отношеній нисколько не противорѣчитъ наша церковная молитва объ очищеніи, читаемая *повнегда родити женѣ отроча*. Правда, здѣсь есть смиренное исповѣданіе, что *по пророка Давида словеси въ беззаконіи зачахомся и сквернави вси есмы предъ Тобою*, есть молитва объ очищеніи *тѣлесныя скверны* родившей и о *прощеніи* ея ³⁾. Тѣмъ не менѣе, если нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ находятъ въ этой молитвѣ осужденіе плотской любви какъ грѣха ⁴⁾, или во всякомъ случаѣ видятъ здѣсь нѣкоторую неопредѣленность церковнаго взгляда на такую любовь ⁵⁾, то это происходитъ лишь отъ смѣшенія ими понятій личнаго грѣха и первороднаго, каковыя понятія строго разграничиваются въ ученіи церкви. Указанная молитва объ очищеніи относится собственно къ грѣху первородному.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ Догмат. Богослов. еп. Сильвестра, т. IV, Кіевъ, 1889, стр. 501—527.

²⁾ См. статью: „Бракъ и свв. отцы“ въ газетѣ „Русскій Трудъ“ за 1897 годъ. №№ 10, 11, 12, 23 и 24, въ книгѣ „Сущность брака“ стр. 33—47.

³⁾ См. Требникъ.

⁴⁾ См. статью г. В. Розанова въ кн. „Сущность брака“, стр. 197, срав. примѣч. г. Шарапова къ статьѣ г. Розанова „Бракъ и христіанство“, *ibid.*, стр. 77.

⁵⁾ См. статью г. Романова („Рцы“) тамъ же, стр. 43, ср. Предисловіе г. Шарапова къ статьѣ Н. П. Аксакова: „О бракѣ и дѣвствѣ“, тамъ же, стр. 157, ср. Сборникъ г. Розанова подъ заглавіемъ: „Религія и культура“, Спб. 1899, стр. 193.

который не зависитъ отъ субъективной воли человѣка, а передается отъ Адама всѣмъ его потомкамъ по плоти чрезъ актъ рожденія, и для изглажденія котораго христіанство даетъ средство въ благодатномъ дѣйствіи таинства крещенія. Если эта молитва имѣетъ отношеніе къ личному грѣху родильницы, то лишь постольку, поскольку обстоятельства рожденія ея младенца могли соединяться съ нарушеніемъ христіански понимаемой чистоты супружеской любви. Достаточно указать здѣсь еще на то, что въ послѣдованіи вѣнчанія, излагаемомъ въ томъ же самомъ „Требникѣ“, въ какомъ содержится и молитва объ очищеніи родильницы, есть такія молитвы къ Богу: *...да явиши, яко Твоя есть воля законное супружество, и еже изъ него чадотвореніе* ¹⁾, еще: *вѣнчай я (брачующихся) во плоть едину, даруй имъ плодъ чрева, благодатія воспріятіе* ²⁾ и т. п.

Если христіанство допускаетъ и благословляетъ плотскія отношенія супруговъ, то это еще не значитъ, что имъ дается въ этомъ случаѣ полный просторъ и ничѣмъ не стѣсняемая свобода. Напротивъ, въ христіанскомъ ученіи указаны для такихъ отношеній существенныя и важныя по значенію ограниченія. Такъ, прежде всего, плотскія отношенія допускаются и благословляются въ христіанскомъ бракѣ, лишь постольку они не препятствуютъ, не причиняютъ ущерба духовно-нравственному усовершенствованію супруговъ, какъ первой цѣли ихъ брачнаго союза. Они должны быть подчинены духовнымъ цѣлямъ брака, подобно тому какъ и въ самомъ человѣкѣ тѣлесное начало должно быть въ подчиненіи у духа и никакимъ образомъ не наоборотъ. Это съ ясностію слѣдуетъ изъ тѣхъ наставленій апостола, въ которыхъ онъ внушаетъ, чтобы браки были *точію о Господѣ* (1 Кор. 7, 39), что *воля Божія есть наше освященіе*, что *Богъ призвалъ насъ не къ нечистотѣ, но къ святости* (1 Солун. 4, 3—4. 7), т. е. чтобы религіозно-нравственныя цѣли брака вообще стояли на первомъ мѣстѣ.

Но когда и при какихъ условіяхъ плотскія отношенія въ бракѣ не препятствуютъ осуществленію его духовно - нравственныхъ цѣлей? Къ счастью, въ Св. Писаніи и на этотъ

¹⁾ Требникъ, л. 29, на обор.

²⁾ л. 31.

вопросъ есть довольно опредѣленный отвѣтъ. Въ 1 посл. къ Тимоѳею ап. Павелъ между прочимъ говоритъ, что жена спасется чрезъ *чадородіе*, если пребудетъ въ вѣрѣ и любви и въ святости съ *цѣломудріемъ* (1 Тимоѳ. 2, 15). Оказывается, такимъ образомъ, что, допуская плотскія отношенія супруговъ, христіанство считаетъ ихъ вполне соединимыми съ *цѣломудріемъ*, и даже допускаетъ ихъ лишь при условіи *цѣломудрія* въ этихъ самыхъ отношеніяхъ. Но какъ же понимать это *цѣломудріе*? Очевидно, оно не есть ни дѣвство, ни воздержаніе въ бракѣ отъ плотскихъ отношеній, потому что при немъ возможно *чадородіе*. Если такъ, то что же оно?—Сопоставляя это мѣсто съ другими мѣстами Св. Писанія, касающимися супружеской жизни, мы видимъ, что подъ супружескимъ *цѣломудріемъ* нужно разумѣть здѣсь прежде всего *полнѣйшую и строжайшую супружескую вѣрность*, когда одинъ изъ супруговъ не измѣняетъ другому ни на минуту не только дѣломъ, но даже въ мысли или воображеніи. Если за грубое нарушеніе супружеской вѣрности слово Божіе угрожаетъ самымъ тяжкимъ наказаніемъ—судомъ Божиимъ (Евр. 13, 4) и лишеніемъ спасенія (1 Кор. 6, 9—10. Галат. 5, 19. 21. Ефес. 5, 5 ср. Евр. 12, 16), то осуждается здѣсь и одинъ нечистый взглядъ на постороннюю женщину какъ уже *нарушеніе супружеской вѣрности* (Мѳ. 5, 27—28). *Цѣломудріе* христіанской супружеской жизни должно состоять еще въ возможно-строгомъ *воздержаніи* супруговъ. Ап. Павелъ указываетъ и необходимую мѣру этого воздержанія, когда говоритъ о христіанскомъ отношеніи ко всѣмъ вообще тѣлеснымъ потребностямъ: *попеченія о плоти не превращайте въ похоти* (Римл. 13, 13—14). Очевидно, плотская сторона брачныхъ отношеній съ христіанскою точки зрѣнія допустима лишь постольку, поскольку она относится къ дѣйствительному требованію природы человѣка; все же, что выходитъ за предѣлы необходимаго долга природѣ, уже недостойно христіанина и подлежитъ осужденію. Совершенно ту же мысль раскрываетъ ап. Павелъ въ 1 посл. къ Коринѳянамъ, когда совѣтуетъ каждому имѣть свою жену и каждой — своего мужа *блудодѣяннѣ ради, лучше бо есть женитися, неже разжизатися* (1 Кор. 7, 2. 9). Очевидно, плотская сторона брачныхъ отношеній допускается только въ предѣлахъ *дѣйствительной необходимости*. Въ этомъ же са-

момъ мѣстѣ апостолъ говоритъ даже и о полномъ уклоненіи супруговъ, по взаимному согласію, другъ отъ друга на болѣе или менѣе продолжительное время *для упражненія въ посты и молитвы*, и если не требуетъ большаго, то только—чтобы сатана не искушалъ воздержаніемъ (5 ст.). Смыслъ тотъ же...

Возможно-строгаго воздержанія и уклоненія въ брачныхъ отношеніяхъ отъ всего пошлаго и недостойнаго человѣка и христіанина—новозавѣтное ученіе косвенно требуетъ и многократными внушеніями, что *тѣла наши суть члены Христовы* (1 Кор. 6, 15), что *они суть храмы живущаго въ насъ Святаго Духа* (19 ст.), и *чтобы каждый изъ насъ, поэтому, умѣлъ соблюдать свой сосудъ въ святости и чести* (1 Солун. 4, 4).

Вслѣдъ за словомъ Божіимъ, и свв. отцы и учителя церкви въ своихъ писаніяхъ многократно и настойчиво убѣждаютъ въ томъ, что бракъ долженъ быть святымъ, что его нужно понимать отнюдь не какъ потворство чувственности, а прежде всего и непременно какъ школу воздержанія ¹⁾. Тотъ же взглядъ выражается и въ правилахъ св. соборовъ церкви. Въ послѣднихъ даны и нѣкоторыя *внѣшнія* ограниченія плотскихъ отношеній въ бракѣ, наприм., воспрещаются таковыя отношенія въ предпраздничные дни, праздники и посты ²⁾. Если и Св. Писаніе и основывающееся на немъ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ Догмат. Богосл. еп. Сильвестра, въ цитов. мѣстѣ, срав. „Правосл. Обзор.“, 1883 г., т. I, стр. 221—222.

²⁾ См. признанные потомъ соборами „Канонич. отвѣты“ св. Тимофея, еп. Александр., 13, срав. 3 прав. св. Діонисія Александр. О воздержаніи въ посты см. въ Требникѣ „Законоправильникъ“. Иподіаконамъ, діаконамъ и пресвитерамъ, „прикасающимся священнымъ таинствамъ“, сверхъ того, воспрещаются такія отношенія „въ свои урочныя времена“, — см. 13 прав. VI вселен. собора (Правила свв. всел. соборовъ, съ толков., ч. 2, Москва, 1877 г., стр. 324—325), срав. 4 прав. помѣстнаго карагенскаго собора (Правила свв. помѣстн. соб., вып. 1, стр. 378), срав. 34 правило и толкованія на него Зонары, Аристіна, Вальсамона и славян. Кормчей (ibid., стр. 458—460).—Требованія касательно воздержанія отъ плотскихъ супружескихъ отношеній въ праздники и посты отнюдь еще не выражаютъ взгляда церкви на эти отношенія какъ на „грѣхъ“ и „скверну“, что было высказываемо нѣкоторыми (см. наприм., статью свящ. М. И. Спасскаго (псевдонимъ), подъ заглавіемъ: „Левъ Толстой и христіанскій бракъ“—„Сущн. брака“, стр. 28, срав. статью прот. У—скаго, подъ заглавіемъ: „Бракъ и дѣвство“, ibid., стр. 118). Это можно видѣть хотя бы изъ того, что по вѣрному сужденію одного ученаго славянофила, „и отъ

ученіе христіанской церкви не входятъ въ частнѣйшее опредѣленіе того, когда и въ какой мѣрѣ допустимы въ бракѣ плотскія отношенія, предоставляя это совѣсти и нравственному чувству самого человѣка, то на это есть двѣ причины: 1) касаться съ большей подробностію этой интимнѣйшей стороны супружеской жизни и вносить сюда какую либо точную регламентацію было бы не согласно съ духовно-идеальнымъ характеромъ новозавѣтнаго ученія; указывая человѣку высокіе нравственные идеалы, къ которымъ онъ долженъ стремиться, частнѣйшее опредѣленіе разнаго рода внѣшнихъ формъ жизни, наиболѣе пригодныхъ къ возможному достиженію этихъ идеаловъ, оно представляетъ свободѣ и индивидуальности самого человѣка. 2) Сказаннаго въ Св. Писаніи, въ ученіи отцевъ церкви и въ постановленіяхъ соборовъ вполне достаточно, чтобы, при благоговѣйномъ отношеніи къ источникамъ нашего вѣро—и правоученія, бракъ остался честнымъ и ложе несквернымъ.

Послѣднее можно утверждать съ тѣмъ большимъ правомъ, что въ помощь совѣсти человѣческой въ этомъ случаѣ дано еще одно благородное чувство, которое присуще самой природѣ человѣка, и котораго не вовсе бываютъ лишены даже самые порочные люди. Это—*стыдъ*, который называютъ совѣстью тѣла, и которому нѣтъ мѣста только тамъ, гдѣ царитъ одинъ инстинктъ, какъ, наприм., у животныхъ. Съ христіанской точки зрѣнія всѣ, въ томъ числѣ и супруги въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, должны тщательно, во всю мѣру своихъ силъ, беречь и лелѣять въ себѣ это благородное чувство. Послѣ религіи и совѣсти, это—лучшій стражъ чистоты супружеской жизни.

Все сказанное о плотскихъ отношеніяхъ супруговъ касается лишь одной стороны дѣла. Но есть и другая сторона. Плотскія отношенія въ бракѣ допустимы еще и потому, что иначе не могло бы быть осуществляемо, данное Богомъ роду человѣческому въ лицѣ его прародителей, благословеніе на размноженіе (Быт. 1, 28). Въ этомъ же обстоятельствѣ, на-

пищи полагается или практикуется такое воздержаніе, а отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы ѣсть почиталось грѣхомъ и скверною“ (см. прекрасную и основательную статью Н. П. Аксакова, подъ заглавіемъ: „О бракѣ и безбрачїи“—*ibid.*, стр. 161).

ряду съ оправданіемъ такихъ отношеній, заключается опять и ограниченіе ихъ. Плотскія отношенія супруговъ должны строго согласоваться и съ этой стороны значенія ихъ, т. е. могутъ быть допускаемы съ христіанской точки зрѣнія лишь постольку, поскольку не идутъ во вредъ нарождающемуся потомству. Требованія религіозной морали совпадаютъ здѣсь съ извѣстными всѣмъ требованіями гігіены, и потому ихъ можно считать понятными и безъ разъясненій.

До сихъ поръ рѣчь шла о христіанскомъ пониманіи значенія брачнаго союза по отношенію къ самимъ супругамъ. Но въ послѣднихъ словахъ мы близко подошли къ другой высокой цѣли христіанскаго брака, выступающей за предѣлы ихъ личной жизни. Эта цѣль заключается въ благословенномъ рожденіи и христіанскомъ воспитаніи дѣтей. Благословеніе Творца на размноженіе, данное чрезъ первыхъ людей всему человѣческому роду, вложило въ человѣческую природу стремленіе къ продолженію его. Христіанство не могло не утвердить и не благословить того, что вложено Творцомъ въ природу человѣка, при созданіи его.

И дѣйствительно, изъ трогательнаго и умилительнаго евангельскаго разсказа о благословеніи Христомъ дѣтей съ ясностію открывается, что дѣторожденіе получаетъ себѣ въ христіанствѣ благословеніе и освященіе, а изъ различныхъ ранѣ упомянутыхъ изреченій новаго завета съ такою же ясностію открывается, что рожденіе дѣтей должно происходить при условіи именно *брачнаго* союза родителей. Послѣднее понятно и изъ того, что только чистота супружескихъ отношеній родителей, требуемая идеей христіанскаго брака, представляетъ наилучшую гарантію произведенія здороваго потомства; только полнота жизнеобщенія христіанскихъ супруговъ создаетъ ту среду, которою обезпечивается возможно правильное воспитаніе нарождающихся поколѣній. Указаніе на то, что бракъ долженъ имѣть цѣлью не только рожденіе, но и воспитаніе дѣтей, было дано уже при самомъ первоначальномъ установленіи брака. Господь сказалъ тогда первымъ людямъ: *плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и обладайте ею* (Быт. 1, 28). Въ выраженіи *и обладайте* можно видѣть указаніе на то, что семья должна давать не только жизнь вновь нарождающемуся человѣческому существу, но и средства къ осуществленію имъ сво-

его, указанного Творцомъ, высокаго назначенія, т. е. должна давать и соотвѣтственное послѣднему воспитаніе.

Въ обезпеченіе выполненія людьми этой воли Божіей, Творцомъ было вложено въ человѣческую природу глубокое и неискоренимое чувство любви къ своимъ дѣтямъ. Въ воспитаніи дѣтей видитъ высокую задачу брака и новозавѣтное христіанское ученіе. При этомъ, соотвѣтственно главной цѣли брака по отношенію къ самимъ родителямъ — содѣйствовать другъ другу въ достиженіи христіанскаго совершенства и вѣчнаго спасенія, характеръ и направленіе этого воспитанія ап. Павелъ опредѣляетъ въ посланіи къ Ефесянамъ такъ: *воспитывайте, говоритъ онъ, дѣтей вашихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ* (Ефес. 6, 4). Это значитъ—развивать въ умѣ ребенка склонность разсматривать и цѣнить отношенія жизни съ точки зрѣнія христіанскихъ понятій, воспитывать въ сердцѣ его вѣру въ Бога, любовь и преданность Ему, укрѣплять волю его въ христіанскихъ навыкахъ жизни. Все это—для того, чтобы изъ ребенка вышелъ и ревностный дѣятель во славу Божию и на благо ближняго въ этой жизни, и наслѣдникъ обѣщанныхъ Христомъ въ Евангеліи нетлѣнныхъ благъ въ жизни будущей. Такова другая высокая цѣль христіанскаго брака по откровенному новозавѣтному ученію ¹⁾.

Изъ всего сказаннаго о цѣляхъ христіанскаго брака нельзя не видѣть, что онѣ необычайно высоки. И невольно возникаетъ вопросъ: по силамъ ли онѣ человѣку? Силы человека по природѣ ограничены; къ тому же, со времени грѣхопаденія первыхъ людей, въ человѣкѣ идетъ непрестанная борьба духовнаго начала съ чувственнымъ, при чемъ послѣднее стремится къ преобладанію и господствованію надъ первымъ. При такихъ условіяхъ, возможно ли для него то огромное и непрерывное нравственное напряженіе, которое требуется христіанскимъ пониманіемъ брака? Возможно ли, чтобы первую цѣлю брачнаго сожитія супруги всегда и во всемъ поставляли духовное благо другъ друга? Возможно ли ни на минуту не давать доступа въ сердце какому либо иному чувству и настроенію, кромѣ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у Страхова, цитов. соч., стр. 52—57.

одной чистой любви и неизмѣнной преданности—хотя бы и къ самому близкому и дорогому лицу? Возможно ли, чтобы плотская сторона отношеній всегда была въ строжайшемъ подчиненіи у духовныхъ цѣлей брака, чтобы, наконецъ, нелегкое само по себѣ дѣло воспитанія дѣтей всегда было въ полномъ согласіи съ задачами истинно-христіанскаго воспитанія? Возможно ли не только полное осуществленіе идеала христіанскаго брака, но хотя бы болѣе или менѣе замѣтное приближеніе къ нему?

На всѣ эти и подобные вопросы нужно отвѣтить словами Писанія: *человѣкамъ это невозможно, Богу же все возможно* (Мѡ. 19, 26). Т. е.—для этого однихъ естественныхъ человѣческихъ силъ, дѣйствительно, недостаточно и нужна особая благодатная помощь Божія. И вотъ потому-то Господь и установилъ въ Своей церкви особое таинство брака, въ которомъ преподается людямъ *сверхъестественная* помощь къ успешному прохожденію многотруднаго и высокаго, при христіанскомъ пониманіи, брачнаго подвига. Эта помощь изливается изъ таинственно-благодатнаго союза Христа съ церковью, во образъ котораго и совершается бракъ христіанскихъ жениха и невѣсты. Не будемъ входить въ болѣе подробное раскрытіе этого предмета. Скажемъ только, что, по вѣрованію нашей церкви, въ таинствѣ брака именно и подается бракосочетающимся благодать чистаго единокупія къ благословенному рожденію и христіанскому воспитанію дѣтей, т. е. подается благодать, содѣйствующая осуществленію вышеуказанныхъ цѣлей брачнаго союза и по отношенію къ самимъ брачующимся и по отношенію къ возможному въ будущемъ потомству ихъ. Кто вѣруетъ въ таинство и приступаетъ къ нему съ трепетнымъ благоговѣніемъ, тотъ уноситъ изъ церкви въ своемъ сердцѣ живое вѣяніе этой благодати Божіей. И она охраняетъ его брачный союзъ среди всѣхъ превратностей жизни. Припомнимъ, что даже самъ гр. Толстой признаетъ прочность брачныхъ союзовъ у вѣрующихъ въ таинство брака. Наоборотъ, кто подобно, наприм., Позднышеву, смотритъ на вѣнчаніе, какъ на пустую формальность, и холодно-иронически относится къ совершаемому надъ нимъ въ церкви, тотъ тѣмъ самымъ закрываетъ доступъ въ свое сердце этой чудной благодати Божіей... И не въ этомъ ли прежде всего источникъ тѣхъ ужасовъ су-

прудеской жизни, которые съ такою силою изображены гр. Толстымъ?

Если христіанскій бракъ имѣть въ виду цѣли столь возвышенныя, что для достиженія ихъ даже недостаточно естественныхъ силъ человѣка, а необходима особая сверхъестественная помощь Божія, то изъ этого уже ясно, что считать брачное состояніе унижительнымъ для человѣка, грѣхомъ и паденіемъ — никакъ нельзя. Очевидно, что съ христіанской точки зрѣнія это состояніе представляетъ изъ себя законную и естественную форму жизни, не исключашую, а прямо, напротивъ, предполагающую возможность духовно-нравственнаго усовершенствованія и вѣчнаго спасенія. Но наряду съ бракомъ, христіанство, не стѣсняющее нравственной свободы человѣка и не подводящее людей подъ общую мѣрку, допускаетъ и безбрачное состояніе. При сравнительной оцѣнкѣ достоинства того и другого состоянія, прежде всего нужно различать побужденія, по которымъ предпочитаютъ браку безбрачіе. Если, наприм., его держатся изъ желанія сохранить личную независимость или доставить себѣ наибольшій комфортъ, то, хотя бы такое безбрачіе соединялось съ строгимъ воздержаніемъ, оно было бы только предосудительнымъ, ибо выражало бы собой одинъ лишь эгоизмъ человѣка. Такое безбрачіе было бы безусловно ниже того, что разумѣется подъ христіанскимъ бракомъ. Въ христіанствѣ бракъ и безбрачіе—это лишь двѣ разныя дороги, которыя должны вести все къ одной же цѣли — возможному нравственному совершенству; и отсюда одинаково несправедливы и тѣ, которые осуждаютъ бракъ, какъ состояніе недостойное, будто бы, христіанина, которые считаютъ дѣвство, — безотносительно къ нравственному состоянію находящагося въ немъ, — состояніемъ высшимъ брака, равнымъ образомъ — и тѣ, которые осуждаютъ всѣхъ безусловно дѣвствующихъ, называютъ ихъ „острыми врагами жизни“, „гробами своего потомства“, „грабителями жизни“ ¹⁾. Что въ христіанствѣ одинаково возможны и бракъ и безбрачіе, на это ясно указываетъ Самъ І. Христосъ, когда въ отвѣтъ на слова апостоловъ, „лучше не жениться“, говоритъ: *не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано, и даѣе: кто можетъ вмѣстити, да вмѣ-*

¹⁾ См. газету „Новое время“, 1899, № 8550.

ститъ (Мѡ. 19, 10—12). Смысль словъ Спасителя очевидно такой: кому дано, кто можетъ вмѣстить, тотъ пусть избираетъ для себя безбрачное состояніе, кто же не можетъ вмѣстить, кому этого не дано,—пусть вступаетъ въ бракъ. Совершенно то же ученіе излагаетъ и ап. Павелъ, когда говоритъ: *безбрачнымъ и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться какъ я* (апостолъ проводилъ безбрачную жизнь). *Но если не могутъ воздержаться, пусть вступятъ въ бракъ* (1 Кор. 7, 7—9). Нѣсколько далѣе, похваляя безбрачіе апостолъ считаетъ необходимымъ оговориться: *впрочемъ, если и женишься, не согрѣшиши; и если двѣица выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ* (25—28). Трудно съ большею ясностію выразить ту мысль, что въ христіанствѣ считаются одинаково допустимыми и бракъ и безбрачіе. И церковь, вопреки утвержденію гр. Толстого, очевидно ничуть не измѣнила основамъ христіанскаго вѣроученія, когда изрекла словами отцевъ Гангрскаго собора: „мы и дѣство, со смиреніемъ соединенное, чтимъ и брачное честное сожительство почитаемъ“¹⁾. Сказанное, однако, не исключаетъ того, что при сравненіи достоинства безбрачія съ брачнымъ состояніемъ, наряду съ допущеніемъ того и другого, первому все же отдается въ христіанствѣ предпочтеніе, и именно—какъ состоянію болѣе благопріятному для достиженія *высшихъ* степеней нравственнаго совершенства. Отчасти это можно видѣть уже изъ словъ Спасителя о томъ, что нѣкоторые избираютъ себѣ безбрачіе *для царства небеснаго*, и изъ тона рѣчи въ выраженіи: „кто можетъ вмѣстить, *да вмѣститъ*“. Заключающуюся здѣсь мысль яснѣе раскрываетъ ап. Павелъ, когда въ 7 гл. 1 посл. къ Коринѳянамъ говоритъ: *хорошо человѣку не касаться женщины* (1 ст.), *желаю, чтобы всѣ люди были какъ и я* (т. е. въ безбрачій), или еще: *выдающій замужъ свою двѣицу поступаетъ хорошо, а не выдающій поступаетъ лучше* (8 ст. ср. 25—26. 38). Но онъ не оставляетъ безъ разъясненія того, въ какомъ смыслѣ или отношеніи безбрачіе поставляется имъ выше брака. Именно, брачная жизнь связываетъ человѣка многими заботами, которыхъ не знаютъ безбрачные: неженатый—какъ равно и незамужняя—заботятся объ угожденіи Богу, а же-

21 прав.—См. Правила свѣ. помѣстн. соб. съ толков., въ русск. пер.. 131.

натый—какъ угодить женѣ, замужня—какъ угодить мужу (32—35). Это не то значить, что послѣдніе совсѣмъ не могутъ заботиться объ угожденіи Богу, ибо въ такомъ случаѣ бракъ никакъ не могъ бы быть разрѣшенъ, а только то, что брачныя отношенія препятствуютъ съ такою же, какъ въ безбрачїи, нераздѣльностью посвящать себя на непосредственное служеніе Богу, затрудняятъ совершеніе *высшихъ* подвиговъ вѣры и добродѣтели (35 ст.). Было для коринѣянъ и ближайшее побужденіе предпочитать браку безбрачіе. Апостолъ самъ замѣчаетъ, что предпочтительно совѣтуетъ послѣднее *по настоящей нуждѣ* (ст. 26 ср. 28), при чемъ разумѣетъ здѣсь предстоявшія въ скоромъ времени коринѣской церкви бѣдствія за вѣру, пережить которыхъ человѣку одинокому легче чѣмъ семейному. И такъ апостолъ поставляетъ безбрачіе выше брака, рассматривая его не само по себѣ, какъ извѣстное физическое состояніе, а лишь какъ болѣе пригодное средство въ виду высшихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей и со стороны дѣйствительно открывающейся въ этомъ состояніи большей возможности безпрепятственно и всецѣло посвятить себя на служеніе Богу. Съ этой точки зрѣнія совершенно неправы тѣ, которые упрекаютъ нашу церковь въ незаконномъ, будто бы, превознесеніи дѣвства предъ супружествомъ и видятъ здѣсь слѣды вліянія „византизма“ или „монаховъ“ ¹⁾. Послѣ всего сказаннаго очевидно, что и „византизмъ“ и „монахи“ тутъ не при чемъ. Но равнымъ образомъ несправедливо изъ того, что безбрачіе болѣе пригодно для высшаго служенія Богу и людямъ, заключать, по примѣру гр. Толстого, что съ христіанской точки зрѣнія бракъ вообще, будто бы, не допустимъ. Уже Самъ І. Христосъ, вмѣняя стремленіе къ нравственному совершенствованію *всѣмъ* Своимъ послѣдователямъ, въ словахъ: „кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“ вмѣняетъ безбрачіе въ обязанность *только нѣкоторымъ* („кому дано“). Контекстъ рѣчи, именно сопоставленіе такихъ людей съ неспособными къ брачной жизни отъ рожденія или съ

¹⁾ Эту ложную мысль подробно раскрываетъ и усиленно пытается подтвердить о. прот. А. Успенскій въ цѣлой статьѣ „Бракъ и дѣвство“, напечатанной въ видѣ письма къ В. В. Розанову, въ № 31 за 1899 г. газеты „Русскій Трудъ“ (въ кн. „Сущность брака“ стр. 115—125).

подвергшимся насилію, въ виду малочисленности подобныхъ случаевъ, показываетъ, напротивъ, что такіе „могущіе вмѣстить“ скорѣе *исключительные* люди, что ихъ *меньшинство*, что для большинства болѣе соотвѣтственная форма жизни—брачное состояніе. Равнымъ образомъ, и ап. Павелъ, такъ опредѣленно раскрывшій ученіе о преимуществѣ безбрачія предъ супружествомъ, не только допускаетъ послѣднее, но даже утверждаетъ, что въ христіанствѣ для супружеской жизни, какъ и для дѣвства, *подается особый даръ отъ Бога*. Говоря о томъ и другомъ состояніи, онъ замѣчаетъ: *каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе* (1 Кор. 7, 7). Слова апостола означаютъ, что общая для всѣхъ обязанность стремиться къ идеалу христіанскаго совершенства одними наилучше осуществляется въ безбрачіи, другими—въ условіяхъ семейной жизни, *соответственно различію подаваемыхъ отъ Бога даровъ*. Гдѣ же, послѣ этого, основанія съ христіанской точки зрѣнія къ утвержденію обязательности безбрачія и осужденію брака?

Что признаніе преимущества за безбрачіемъ еще не есть осужденіе брака, какъ чего-то грѣховнаго и недостойнаго, это можно показать и на примѣрѣ. Сказавъ о служеніи церкви чрезъ разные дары—апостольства, пророчества, чудотворенія и проч., апостоль прибавляетъ: *ревнуйте о дарахъ большихъ, и я покажу вамъ путь превосходнѣйшій* (1 Кор. 12, 28—31). Если разсуждать такъ, какъ разсуждаютъ противники брака, основываясь на указанномъ превосходствѣ безбрачія, то нужно будетъ признать, что апостоль, указывая на возможность превосходнѣйшаго пути, тѣмъ самымъ указываетъ, будто бы, на нѣкоторую нечистоту и грѣховность апостольства, пророчества, чудотворенія и прочихъ даровъ. А это по замѣчанію одного писателя ¹⁾, было бы прямо худой на Св. Духа. Также, очевидно, не логично и заключеніе отъ преимущества дѣвства къ грѣховности брачной жизни.

Кратко сущность христіанскаго ученія объ отношеніи брака къ безбрачію можно выразить такъ: безбрачіе выше супружества, какъ болѣе благопріятное условіе къ достиженію высшаго христіанскаго совершенства; но оно, какъ удѣлъ

¹⁾ Н. П. Аксаковъ, см. его статью въ кн. „Сущность брака“, стр. 162.

только нѣкоторыхъ избранныхъ натуръ, ни чуть не исключаетъ и супружества. Последнее не только не есть грѣхъ, но для большинства людей оно является такимъ же даромъ достигать возможнаго для нихъ христіанскаго нравственнаго совершенства, какъ для меньшинства дѣвство.

Въ заключеніе можно было бы указать еще на многіе примѣры высоко-нравственной, истинно-христіанской брачной жизни, которыми такъ богата исторія христіанской, въ особенности древней, церкви, которые не чужды и нашему времени. Но съ одной стороны, это слишкомъ увеличило бы размѣры нашего труда; съ другой — такіе примѣры болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ частію изъ исторіи, частію изъ позднѣйшихъ произведеній т. н. беллетристической литературы, частію, наконецъ, могутъ быть наблюдаемы каждымъ въ его личномъ опытѣ. Въмѣсто этого, позволимъ себѣ еще разъ коснуться сужденій о бракѣ сильнѣйшаго, по вліянію на умы, противника его, гр. Л. Н. Толстого. Если ни одно изъ позднѣйшихъ произведеній гр. Толстого не оказывало такого сильнаго и потрясающаго впечатлѣнія на наше общество, какъ „Крейц. Соната“, то ни одно изъ нихъ не вызывало и такой страстной отповѣди, какъ именно таже „Крейц. Соната“. Противъ автора ея горячо возставали люди разныхъ общественныхъ званій и состояній — и въ печати и въ устныхъ бесѣдахъ, и въ общественныхъ собраніяхъ и въ предѣлахъ тѣснаго семейнаго кружка. И едва ли было бы справедливо объяснять все это огромное движеніе противъ популярнѣйшаго изъ писателей только тѣмъ, что наступили на „любимую мозоль“, т. е. бросили въ лицо современному обществу цѣлый рядъ хотя и безпощадно жестокихъ, но не совсѣмъ безосновательныхъ обвиненій.... Чѣмъ же объясняется эта страстность нападеній, доводившая нѣкоторыхъ даже до глумленій и издѣвательствъ надъ тѣмъ, кто еще вчера былъ для нихъ кумиромъ и глашатаемъ истины? — Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что причина этого кроется именно въ безусловной противобрачной тенденціи разсказа, логически, какъ было показано выше, совсѣмъ не вытекающей изъ содержанія его, — въ томъ, что гр. Толстой, бичуя пороки преимущественно извѣстнаго класса людей, позволилъ себѣ глумиться надъ бракомъ вообще, занесъ руку надъ святыней семейнаго очага. А из-

вѣстно, что даже въ мірѣ неразумныхъ существъ борьба никогда не принимаетъ такого напряженнаго характера, какъ тогда, когда она ведется именно возлѣ своего гнѣзда, за свою семью. Здѣсь даже слабая курица яростно бросается на врага, кто бы онъ ни былъ, кошка безтрепетно вступаетъ въ борьбу съ могучимъ орломъ. И у людей, въ борьбѣ съ нападающими, мысль объ оставшихся тамъ, позади, беззащитныхъ женѣ и дѣтяхъ, судьба которыхъ зависитъ отъ исхода борьбы, издавна удесятиряла силы бойцовъ. Наше общество инстинктивно почувствовало, что на этотъ разъ гр. Толстымъ сдѣланъ подкопъ подъ одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ его. Жизнь полна тяжелыхъ, часто неблагодарныхъ и безплодныхъ трудовъ, много горя и страданій выпадаетъ на долю каждаго, и такъ уже устроенъ человѣкъ, что въ такія минуты онъ ищетъ поддержки и сочувствія у близкаго, преданнаго лица, которое бы понимало его, сочувствовало и сострадало ему—не на словахъ, а на дѣлѣ. И доселѣ, если не всѣ, то большая часть людей находили себѣ поддержку въ сочувствіи близкаго и дорогого лица, живущаго одною съ ними жизнію и потому не отдѣляющаго своихъ интересовъ отъ ихъ, отдыхали и набирались новыхъ силъ у своего семейнаго очага. Могли ли они не возстать противъ ученія, которымъ ихъ брачная жизнь объявляется позорной, и имъ вмѣняется въ обязанность непремѣнно стремиться къ безбрачію? Могли ли не возстать противъ этого женщины, ближайшее призваніе которыхъ,—что бы ни говорили и какъ бы ни спорили о немъ,—всегда остается главнымъ образомъ въ семьѣ? Не занесъ ли, наконецъ, гр. Толстой свою безпощадную руку надъ благомъ и счастьемъ *малыхъ сихъ*, для которыхъ попечительность отца, ласка матери наилучше обезпечиваются только при условіи брачнаго союза ихъ родителей? Въ самомъ дѣлѣ: представьте себѣ, что было бы, если бы наше общество прониклось вдругъ проповѣдуемымъ гр. Толстымъ отрицаніемъ брака. Случаевъ отвращенія отъ вступленія въ бракъ и теперь не мало; тогда стало бы много больше. Но сдѣлались ли бы люди чище и цѣломудреннѣе?—Если разсуждать не голословно, а основываться на фактахъ, на урокахъ исторіи, то отвѣтъ ясенъ. Исторія и опытъ показываютъ, что требованіе обязательнаго безбрачія отъ всѣхъ обыкновенно въ концѣ кон-

повъ приводитъ лишь къ развитію и усиленію внѣбрачныхъ отношеній. Намъ не нужно и ссылаться на древнихъ проповѣдниковъ безбрачія—гностиковъ и чудовищную безнравственность многихъ изъ нихъ. Достаточно посмотрѣть только вблизи себя—на жизнь современныхъ противниковъ брака, какъ чего-то нечистаго,—хлыстовъ или, наприм., раскольниковъ еедосѣвцевъ. Намъ неудобно было бы здѣсь хотя сколько нибудь войти въ подробности для изображенія господствующей среди нихъ крайней нравственной распущенности. Отъ внѣбрачныхъ отношеній рождались бы дѣти, и на какую же судьбу обрекало бы ихъ отвращеніе къ браку, если бы оно привилось подъ вліяніемъ ученія Толстого? Вѣдь не всѣ же оказались бы Нехлюдовыми, готовыми порвать связи со всѣмъ прочимъ, лишь бы не разлучаться съ женщиной, бывшей временно близкой. И вотъ въ этой-то сторонѣ дѣла, быть можетъ, самая тяжкая вина автора „Крейц. Сонаты“. Припомнимъ, что евангеліе беретъ дѣтей какъ бы подъ свою особую защиту... Насколько, по сравненію съ ученіемъ Толстого, истинно человѣчно и возвышенно чисто христіанское ученіе о бракѣ!

Правда, намъ могутъ возразить, что все сказанное о христіанскомъ бракѣ есть лишь одни слова, что такъ на самомъ дѣлѣ никто не живетъ, что и въ бракахъ людей, выдающихъ себя за вѣрующихъ, на самомъ дѣлѣ господствуютъ также чувственность, ревность, эгоизмъ и пр. Но въ такой формѣ это утвержденіе было бы рѣшительно несправедливымъ. Люди, искренно вѣрующіе, дѣйствительно въ той или иной мѣрѣ осуществляютъ въ своей жизни идеаль христіанскаго брака, воплнѣ, какъ и всякій идеаль, не осуществимый. Если же семейная жизнь нѣкоторыхъ изъ христіанъ далеко отклоняется отъ этого идеала, то это значитъ только то, что они плохіе христіане, и что имъ нужно стремиться быть таковыми не по имени только, а на дѣлѣ. Винить же въ нашей дурной жизни христіанское ученіе о бракѣ и замѣнять его требованіемъ общаго безбрачія—также странно, какъ странно было бы, увидавъ въ зеркалѣ свое некрасивое лицо, утверждать, что зеркало дурно, и его нужно повѣсить стекломъ къ стѣнѣ.

М. Струженцовъ.